

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА

ВЛАДИМИР
МАКАРЫЧЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Владимир Н. Макарычев
Завещание лейтенанта
Серия «Исторические
приключения (Вече)»

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22820008

Завещание лейтенанта: Издательство «Вече»; М.; 2016

ISBN 978-5-4444-8452-4

Аннотация

Крымская война (1853–1856) входит в свою завершающую фазу, и именно в это время юный дворянин Николай Дымов получает направление в осаждённый Севастополь. Раненый при обороне Малахова кургана, Дымов едет поправить здоровье в Прагу, где знакомится с лейтенантом Бошняком. Бошняк, некогда принимавший участие в Амурской экспедиции, передаёт ему карту и рассказывает, что на побережье Охотского моря спрятан иностранными китобоями клад... «Воспользуйтесь деньгами, – просит лейтенант. – Покажите, на что способен русский человек, имея свободу и средства»

Содержание

Часть первая	8
1	8
2	32
3	55
4	62
5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Владимир Николаевич Макарычев Завещание лейтенанта

© Макарычев В.Н., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Автор выражает благодарность за помощь в работе над книгой Алейникову Василию Олеговичу, Азарову Виталию Михайловичу, Соболеву Андрею Николаевичу, Шигину Владимиру Виленовичу

*Всем, кто верен понятиям офицерской
чести, идеалам справедливости и патриотизма,
посвящается*

Все началось с просмотра архивного материала о событиях, предшествующих продаже Аляски. Заинтересовал меня один секретный документ. Донос почтмейстера Охотска на командированного с тайной миссией из Санкт-Петербурга прапорщика. Жалобщик приводил убедительные факты

любвонной связи прапорщика с женой полицмейстера города. Дело в том, что изменница отравила своего законного супруга, а любовник знал и не помешал преступлению. Почтальон тоже был хорош. Оказался скрывающим свою веру старообрядцем и таким подлым образом выторговывал разрешение на оформление брака в полицейском участке. Его жену с пятью детьми, по существующим тогда законам, должны были разлучить с мужем. В царской России находили «демократические способы борьбы» с инакомыслием. Церковь отказывалась их венчать. Проводить религиозные службы «раскольникам» разрешали только на кладбищах, а в 1856 году вступивший на царский престол Александр Второй вообще опечатал самое святое в «оппортунистической» церкви – Царские врата¹ с алтарями. Таким образом, «перекрыл им вход в Царство Божие».

Вот так и родилась история длиной в семнадцать лет, с 1855 по 1872 год. То был период очередного мирового кризиса. Чем ближе человечество подходило к «счастливой дате» выхода из него, тем ожесточеннее и безнравственнее люди бились сами с собою. В ходе борьбы рождались новые национально-буржуазные государства, развивалась общественно-политическая мысль и экономика. В 1867 году

¹ Царские врата – двустворчатые двери в центре иконостаса, напротив Престола в алтаре. Через них к верующим выходит сам Господь, а также его наместник на земле, священник. Они символизируют вход в Царство Божие. Возникли из практических соображений: отгородить алтарь, место духовного жертвоприношения, от массы людей.

издан первый том «Капитала» Карла Маркса, где открывались законы развития общества, выдвигалась идея спирального развития истории², предрекался крах колониальной системы. В 1869 году Д.И. Менделеев открыл один из фундаментальных законов природы – периодический закон химических элементов. Китобойный бизнес, по доходам сопоставимый в наше время с продажей нефтепродуктов³, рушился. На смену ему приходила нефть. Венская система договорных межгосударственных отношений заменялась крымской, названной в честь Крымского поражения России⁴. Англия и Франция бились за сохранение колониальных владений, рынки сырья и сбыта продукции. В Соединенных Штатах Америки зарождался империализм, в Пруссии Второй рейх, в России Великая Октябрьская социалистическая революция. Вера в Бога и нравственность пошатнулись. Пришло время великих и неожиданных авантюр. Многие из них

² Спираль в марксизме – образ прогресса, бесконечного поступательного развития общества по восходящей с элементами повторения из прошлого. По версии Карла Маркса, «Спираль истории» будет раскручиваться до наступления коммунизма.

³ Китовый жир имел ряд важных качеств, не замерзал при низких температурах, использовался в качестве смазочных материалов в механизмах, вооружении. Им заправляли лампы, делали свечи, мыло, косметику, получали газ для уличного освещения городов. Китовым усом набивали матрасы в богатых домах, делали дамские корсеты.

⁴ Именно тогда Россия потеряла свое сорокалетнее влияние на Европу (1812–1854), завоеванное в 1812 г. Между прочим, Советский Союз также доминировал в мире чуть больше сорока лет (1945–1991).

остались неизвестны. Например, «покупка» Россией Гавайских островов. Возможно, это и стало генеральной репетицией перед продажей Русской Америки? Но не все продается в этом мире, как не бывает Свободы без Справедливости⁵. История прапорщика Дымова – тому подтверждение. В ней больше правды, чем вымысла. Прототипами главного героя стали офицеры русского флота А. Эльфсберг и А.Г. Дыдымов⁶.

⁵ «У нашего народа есть особенная черта – шараханье из стороны в сторону. То справедливость без свободы в Советском Союзе. Сегодня свобода без справедливости» (А. Гринберг, директор института экономики РАН).

⁶ Дыдымов Аким Григорьевич (1856–1891) уволился с военного флота и организовал на Дальнем Востоке успешное китобойное предприятие. В 1890 г. «погиб в Японском море у берегов Кореи китобойный пароход “Геннадий Невельской” со всею командой и отставным капитаном 2-го ранга Акимом Дыдымовым» (запись в Морском храме святителя Николая в Кронштадте). Известный был человек!

Часть первая

Последний день обороны Севастополя и каталог западных ценностей

1

На всю жизнь врезался в память странный случай. В возрасте десяти лет с небольшого пригорка наблюдал за спорой работой косарей. Стоял полуденный июльский зной. Казалось, природа застыла, истомилась. Николай устало распластался на спине, закинув за голову руки, блаженно закрыв глаза от жалящего солнца. Вдруг почувствовал чужое прикосновение, вздрогнул от неожиданности и открыл глаза. На груди сидела маленькая полевая мышь. Она внимательно смотрела ему в подбородок. Испугавшись проснувшегося человека, спрыгнула в траву. Вспомнилось слышанное старинное поверье – пробежавшая по человеку мышь означает скорую смерть. Тогда впервые испугался за собственную жизнь, но не растерялся и не доверился судьбе. До самого захода солнца не сходил с места, высматривал, выжидал, когда снова появится предвестник его гибели. Дождался! Пой-

мал и руками задушил. Тельце мышонка, ставшее похожим на хлебный мякиш, закопал на том же самом месте, где лежал. Ему казалось, что так он убил собственную смерть.

Николай Дымов родился в бедной семье солигаличских дворян, в уездном городке, расположенном в сорока километрах от столицы губернии Костромы. С годами истощались запасы природной соли, основного ресурса тех мест⁷. Некогда самодостаточный край хирел. Приходили в упадок и дворянские хозяйства. Дети дворян уже не поступали в юнкерские училища, с выпуском в мичмана или прапорщички. Шли в военно-начальные школы, где получали предофицерское звание унтер-офицера. Определиться в привилегированное учебное заведение тогда было гарантией будущего жизненного успеха. Николай благодаря ходатайству капитан-лейтенанта Геннадия Ивановича Невельского поступил в Морской кадетский корпус, в штурманскую роту, где не требовалось «особого благородства». Выпускники этой роты выходили унтер-офицерами.

После ускоренного выпуска из Корпуса, в июле 1855 года, восемнадцатилетний юноша получил долгожданное назначение в Крымскую армию, в Николаев. На самый юг России, где второй год шла война⁸. А пока завершал послед-

⁷ Соляные промыслы в то время приносили дохода больше, чем торговля лесом или продуктами сельского хозяйства.

⁸ 15 марта 1854 года Англия и Франция объявили войну России. С этой минуты Русско-турецкая война превратилась в войну одинокой России с коалицией великих держав.

ние приготовления к поездке. Сегодня направлялся к соседу по солигаличскому имению, ставшему за время его четырехлетней учебы известным исследователем Амура, контр-адмиралу Невельскому. Земляческий подход тогда почитался, а родственными связями дорожили.

О Невельском в среде гардемарин⁹ ходило множество легенд. Занятна была последняя история о самой головокружительной карьере в истории российского флота. Невельской совершил страшное преступление: нарушил приказ, в своих исследованиях слишком далеко зашел по Амуру. Это могло обозлить китайцев, ссориться с которыми было накладно. Хотя больше боялись англичан, совавших нос в дела чужих государств. Донос и вызов на ковер в Санкт-Петербург. Николай Первый объявил моряку: «За самовольные действия, наносящие ущерб Российской империи, разжаловать капитана 1-го ранга Г.И. Невельского в рядовые матросы». Выдержав долгую паузу, грозным тоном повелителя сообщил: «Поскольку вы, сударь, провели трудную экспедицию и не потеряли в ней ни одного человека, присваивается вам звание капитан-лейтенанта. А поскольку удалось первому составить карту устья Амура, присваивается звание капитана 1-го ранга. Ну а поскольку первый доказал, что Сахалин – остров, присваивается звание контр-адмирала». Таким образом, дистанцию от рядового матроса до контр-адмирала Г.

⁹ Гардемарин – звание воспитанников старших рот Морского корпуса (училища) в царской России.

Невельской преодолел в полминуты.

Между тем непредсказуемая питерская погода под вечер окончательно испортилась. Поднялся бодрящий ветерок. От его соприкосновения с теплом уличных фонарей-масленок возникало сияние, похожее на нимб, окружающий голову иконного святого.

– Полукруг туманной границы между теплом и холодом – все равно что мое настоящее и будущее, – рассуждал молодой унтер-офицер, удивляясь ранее не замечаемому, а на самом деле обыкновенному явлению.

«Фонари работают на газе из китового жира», – вспомнил лекцию по естественным наукам корпусного учителя.

Ветер пропал так же неожиданно, как и появился. Николай удивил очередной сюрприз приморской погоды – в сумраке «белой ночи» небо вспыхнуло множеством разной величины огоньков. Молодой человек задумался о бесконечном горизонте новой, необычной жизни. Незвестность притягивала, как магнит стрелку корабельного компаса. Звезды между тем приобрели четкость и яркость, что делало их похожими на сочные яблоки к осени. В далекой Костромской усадьбе, в яблоневом саду рос такой сорт. После первого заморозка они были еще слаще.

«Где-то в бездне вселенной есть и моя звезда», – пытался найти небесные знаки своей судьбы Николай.

Неожиданно снова подул сырой ветер. Небо заволокло белыми тучами, похожими на волны бушующего моря. Они по-

глотили появившиеся звезды.

«Потухли безвременно, не успев осветить небо», – с нескрываемой тревогой рассуждал Николай, наблюдая редкое природное явление, называемое «дьявольскими облаками». Как в далеком детстве принял пробежавшую по груди мышь за предвестника скорой смерти, так и сегодня считал неслучайным небесное предзнаменование. Вдруг испугался преждевременной своей гибели на войне, испугался за свою мечту стать открывателем новых земель. Впервые усомнился в помощи Бога. Нет, не для всех людей, а для одного себя.

Так, в рассуждениях с самим собой, незаметно достиг улицы Воскресенской¹⁰. Над пригородным кварталом возвышался коричневый купол Таврического дворца, названного в честь крымского полуострова – Таврии¹¹. Улица тянулась по набережной канала, и дорога в этом месте круто сворачивала направо, отчего переулочек походил на согнутое колено. Сравнение рассмешило, но улыбка быстро пропала от увиденного: возле подъезда коричневого каменного дома стояла девушка. Воздушные кружева длинного платья подчеркивали ее женственную фигуру, а чуть провисшие поля голубой шляпки не закрывали курносого лица. Дымов пытался подыскать слова для начала разговора. В это время девуш-

¹⁰ Ныне Шпалерная.

¹¹ С присоединением Крыма к России в 1787 году связано имя фаворита императрицы Екатерины II – Григория Потемкина-Таврического. Ему и принадлежал первоначально дворец.

ка степенно наклонилась, чтобы поднять с земли упавший предмет. Для молодого человека не составило труда в секунду оказаться рядом и успеть предупредить желание прекрасной дамы. Передавая белый кружевной платок, вместе с теплом ее рук он ощутил прилив нежности. С восьми лет, как определен на учебу в Петербург, не видел материнской ласки, но природная сущность мужчины-мальчика не могла так просто загубеть. Как река, пробиваясь сквозь каменное ущелье, находит свое русло, так и его тяга к женщине нашла свое воплощение в случайной прохожей. За чудесами ходят в церковь, а воплощают их люди.

Незнакомка, кротко улыбаясь незваному кавалеру, проговорила:

– Благодарю вас, сударь!

Простые слова девушки Николай расценил как поощрение к дальнейшему знакомству и шутливо спросил:

– Скажите, милая барышня, не вы ли хозяйка сего каменного замка? – показал на чернеющий в сумерках купол Таврического дворца.

Старался не только подобрать слова, но и произнести их в учливой манере – получилось забавно, что не прошло мимо внимания девушки. К тому же лицо молодого офицера неестественно покраснелось. Девушка поддержала стеснительного юношу и, в свою очередь, попыталась шутить:

– Нет, сударь. Не хозяйка, а всего лишь королева.

К его радости, «королева» направлялась в тот же дом. Ста-

рый матрос с медной серьгой в сморщенном ухе открыл тяжелую дубовую дверь и провел их в гардероб. Прихожая напоминала оставленное людьми жилище – неснятыми с мебели коричневыми покрывалами, серостью давно не топленных комнат. Только новые свечи, еще не успевшие запачкаться воском настенные подсвечники, играли веселыми огоньками. Старик матрос оставил их вдвоем, а сам направился докладывать хозяевам. Николай, горя желанием ближе познакомиться, представился первым:

– Невельские мне дальние родственники, вот и пришел попрощаться перед убытием в действующую армию, в Севастополь. – Он выпрямился и, легонько склонив голову, продолжил: – Унтер-офицер, флотский штурман Николай Дымов.

Так он попытался вызвать доверие у девушки. Сработало. Лиза посмотрела Николаю прямо в глаза, искренне ответив:

– Вы смелый и честный, я вижу! А мое имя Лиза. Лиза Игнатова.

От такой похвалы штурман готов был медленно, как свечи, таять. Молодые люди присели на диван, застеленный покрывалом. Молчали. В эту минуту капелька воска прямо с подсвечника над их головами упала на его правую руку, превратилась в маленькое пятнышко и застыла.

Лиза с интересом наблюдала за реакцией юноши. Она заметила происшедшее. Николай же поразился ее обаянию. Молодые люди отметили про себя, что они одновременно

обнаружили удивительную способность незнакомых людей видеть одно и то же.

– У меня нет родственников, – продолжила Лиза, – отец служил в Охотске... Давно умер. С матерью в трехлетнем возрасте разлучили. Говорят, она погибла. Так я оказалась на воспитании у своих названных родителей, Невельских. Они же оплачивают обучение в женской гимназии. Как мне сказали, в честь заслуг моего отца перед императором. Геннадий Иванович пять лет провел на Дальнем Востоке вместе со своей молодой женой. Господа прибыли только вчера. Как и вы, поспешила проведать свих благодетелей.

Щеки у девушки заиграли румянцем, голова запрокинулась; Николай подумал, что это натура деятельная и целеустремленная.

– Они познакомились в Иркутске, когда тридцатичетырехлетний моряк сухопутным путем отправлялся в экспедицию на Тихий океан. Выпускница Смольного монастыря Екатерина Ивановна Ельчанинова в то время гостила у своего дяди, иркутского гражданского губернатора Зорина. Через месяц венчались, а свадебное путешествие провели в дороге! На лошадях, пробиваясь к побережью, тысячу верст. Представляете, какой порыв! Какая любовь! – восторженно рассказывала Лиза о Невельских, будто сама прошла вместе с ними весь путь. Николай живо представил таежную тропу, по которой двигался караван навьюченных лошадей, идущих рядом людей, облепленных тучами комаров и мошек. В

средней-то полосе гнус доставал сильнее жары, а уж Сибирь с Дальним Востоком считались их родиной.

Девушка внезапно замолчала и доверчиво посмотрела на него, как бы интересуясь произведенным на собеседника впечатлением. Женщине необходима оценка. Любовно поправила складки розового платья на коленях. Она хотела рассказать о чем-то важном, значимом для нее. Паузу прервало шуршание ткани. Из темного проема вышла женщина с молодым, но не по возрасту уставшим и строгим лицом. Стоило ей улыбнуться и заговорить, как настороженность молодых людей пропала.

– Здравствуйте дети, – приветствовала их хозяйка бархатным голосом, будто нежной материей заворачивая младенца – столько в ее интонациях было доброты и тепла.

– Давайте знакомиться, – обратилась она к Николаю, – Екатерина Ивановна, супруга Геннадия Ивановича.

В гостиной чувствовалась рука хозяйки. Белоснежная скатерть сияла чистотой, а золотые приборы предупреждали о скором ужине с важным гостем.

Невельской, маленького роста, с рябым лицом от перенесенной в детстве оспы, взмахом руки пригласил гостей к игральному столику. Его ладонь, подобно ножницам, разрежала облако дыма, застывшее над головами мужчин. Комната сразу же наполнилась запахом свежей травы после дождя. То тлели палочки китайского чжу, благовония, перемешанного с амброй. Николаю еще будет суждено узнать истинную це-

ну драгоценного вещества, добываемого из кишечника кита, называемого китайцами «слюной дракона»!

– Александр Михайлович, представляю Лизу, сироту, ученицу Смольного монастыря.

Сидевший напротив адмирала худой, с прямыми чертами лица и узкими хладнокровными губами нестарый мужчина, удивленно вскинул белесые брови.

– Неужели Лиза, дочка господина... – Он внезапно замолчал на полуслове и взглянул на адмирала.

Тот ответил легким утвердительным кивком седой головы. Пытаясь загладить свою несдержанность, мужчина почтительно приподнялся перед Николаем и первым представился:

– Горчаков Александр Михайлович¹², служащий Министерства иностранных дел.

Повторил тот же жест в адрес девушки.

– Унтер-офицер, корабельный штурман Дымов Николай, – в свою очередь, тожественно отчеканил юноша.

– Земляк мой, солигаличанин, – прокуренным голосом дополнил Невельской, – ну-с, молодые люди, подальше от

¹² Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) – князь, дипломат. В МИДе с 1817 г. В 1854–1856 гг. – управляющий посольством, затем посланник в Вене. В 1856–1882 гг. – министр иностранных дел. Возглавил Министерство после поражения России в Крымской войне. Провозглашал «национальный характер» российской политики, свободу в выборе союзников и «жить в полном согласии со всеми правительствами». (Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998).

нас, стариков. Мы еще в карты не доиграли.

Обеим «старикам» в то время было по сорок три года!

– Екатерина Ивановна, – тем же хриплым голосом, прерываемым глухим кашлем, протянул адмирал, – угощай, голу-бушка, храброго юношу и прекрасную девицу! Мы с Александром Михайловичем уж дождемся аляскинского героя.

Дымова на короткое время заинтриговало упоминание о новом госте, а особенно о его месте жительства. Побывать на Аляске, называемой еще Русской Америкой, было мечтой каждого гардемарина.

Екатерина Ивановна по-мужски цепко взяла за локти и повела молодых людей в соседнюю комнату, где накрывался стол для позднего ужина. Через пару минут гости с аппетитом кушали кусочки жаркого из молодой телятины. Женщины, испробовав блюда, о чем-то шептались, оставив Николая одного наслаждаться ужином. Он же жадно ловил разговор мужчин, в другой комнате, через раскрытую дверь. Звучала в основном английская речь. Французский, хоть более изящен и мелодичен, не притягивал его, как резкий английский. На нем было проще отдавать команды, ставить задачи и повелевать. Николай его неплохо знал.

– Я бы на вашем месте не гневил судьбу, – внушал настойчиво Горчаков, – назначение достойное и, главное, надежное, а до перспективы роста карьерного... – Он задумался, втягивая в себя дым из длинной трубки. – Вы, дорогой Геннадий Иванович, в свои сорок лет дослужились до первого

адмиральского звания. Во дворце сулят в скором времени присвоить и вице-адмирала. Разве этого мало?

– Работа нужна живая, а не мертвятинка бумажная, – высказал копившееся все это время недовольство адмирал, – не зря же называют нашу Морскую коллегия «отстойником» бывших и немощных. За прошлые заслуги приподняли и в сторону отодвинули, будто камень на дороге.

– Плохого в такой политике ничего не вижу, – рассудительно ответил Горчаков, – старикам почет, а молодым освободите проход.

– Какие же мы старики в сорок три года? – не унимался адмирал. – Давайте будем справедливы. Чего же император держал на должности главнокомандующего в Крыму семидесятилетнего князя Меншикова, прозванного «Изменщиковым»? А пришедший ему на замену ваш однофамилец, граф Горчаков? Шесть десятков с лишним. Главный командир Севастопольского порта немощный старик Станюкович – за семьдесят. Из ума выжил. Поставил в спальне гроб и спал в нем. Говорил: «Готовлюсь к смерти, привыкаю». Нет преемственности в кадровой политике, нет здравого смысла. Ставят на должности удобных и прислужливых, не имеющих своего мнения.

Горчаков по обыкновению пропустил опасную критику режима, отшутившись:

– «Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней приготовиться». Не я сказал, а шутник Козьма

Прутков.

Мужчины довольно хохотнули и быстро переключились на события, предшествующие войне, не забывая про карточную игру. Заполняя паузы восклицаниями и огорчительными возгласами от положения карт.

– Франц-Иосиф, император Австрийский, боится втягиваться в войну на стороне «союзников» – Англии с Францией, – рассуждал Горчаков, рассматривая закрытую от собеседника очередную карту. Недовольно морщась от ее важности, помедлив, с опаской положил на стол. Козырный крестовый валет смотрелся внушительно на фоне семерок и десятков.

– На хитрую задницу всегда найдется винт, – весело вскрикнул Невельской и молодцевато выбросил крестовую даму, покрывшую валета своим значением.

– Так и в жизни, – сморщив тонкое лицо, словно от зубной боли, с сожалением проговорил Александр Михайлович, – не мы кроем дам, а они нас!

Адмирал молодцевато парировал также афоризмом Пруткова, – «девицы подобны шашкам: не всякой удастся, но всякой желается попасть в дамки».

– Неужели вы считаете, что австрияки боятся германцев, при их-то теперешней силе и мире с османами? – недоверчиво спросил адмирал.

– Боятся! Германский союз во главе с Пруссией не хочет

войны с Россией, – заключил жестко Горчаков, – Бисмарк¹³ только и ждет ослабления Австрийской империи, чтобы поделить ее и создать на ее обломках свою, германскую, национальную. Так что ссориться ему с нами негоже. Кроме нас, помочь в таком объединении некому. Я хорошо понял подобную тактику по поведению прусского посла в Вене— Альвенслебена. Маневрируя между сильными державами, предпочтение отдает России. А с какой энергией включился в лоббирование нашего журнала «Инвалид Отечества»! С его подачи западные издания перепечатывают хвалебные статьи в наш адрес. Общественное мнение важная штука. Разве это плохо?

– Вашу теорию о стратегической дружбе России и Пруссии в нашем ведомстве прозвали «окриком совести», – загребая деревянной лопаткой выигранные карты, парировал хозяин дома, имея в виду смелое письмо дипломата Николаю Первому, где тот приводил доводы о необходимости укреплять, в противовес Франции, Пруссию.

Существовало и другое мнение, предупреждающее об опасности усиления Германии. Для решения подобной зада-

¹³ Бисмарк Отто, фон (1815–1898) – немецкий политический деятель. Объединитель Германии. Бисмарк напал на Австрию и разгромил ее войска в битве при Садове в 1866 г. Создал Северогерманский союз под гегемонией Пруссии, которая аннексировала Ганновер, Гессен-Кассель и Франкфурт-на-Майне у Австро-Венгерской империи. В 1870 г. Пруссия выступила против Франции. После победы при Седане аннексировала южные земли и завершила объединение Германии, а Вильгельм I провозглашен императором II рейха. Бисмарк стал канцлером Германии.

чи в 1848 году в Праге даже собиралась конференция славянских народов, поддержавшая славян-германцев в борьбе с Австро-Венгерской империей за национальную независимость. О необычайной ловкости талантливого дипломата слышал и Дымов. Именно Горчакову приписывали смелую мысль, высказанную упрямому царю, о бесполезности помощи славянам в освобождении от турок. В период общего панславянского подъема так открыто выражать противоречащие общественному мнению мысли означало рисковать карьерой. Горчаков не боялся. Русские добровольцы воевали в национальных армиях болгар, сербов и считались на Родине героями. Горчаков первый публично поставил под сомнение необходимость такого порыва, считая славян ненадежными и неблагодарными союзниками. В отличие от немцев. Вот и сегодня он высказывал подобные мысли, да еще предрек скорое поражение русской армии в Севастополе.

– С ума сошли! – непринужденно вскрикнул адмирал, смахнув возбужденно часть колоды на пол. – Желаете сказать, после Крыма пойдут на Берлин, а затем и на Москву? Вы предрекаете наше поражение в Крыму? Безобразие такое слышать от дипломата, посланника царя в Европе! Измена, да и только!

– Послушайте, что придумал этот мальчишка¹⁴ лорд Пальмерстон, – Горчаков умел не отвечать на неудобные вопросы

¹⁴ «Мальчишке» Пальмерстону шел тридцать пятый год, в то время он был премьером правительства Великобритании.

и никогда не выходил из себя.

Зашуршали листы. Раздался звон хрустальных бокалов, после чего дипломат продолжил чтение.

– План англо-французского союза «Сердечное соглашение», – вкрадчиво и таинственно зачитывал документ Горчаков, – Османскую Турцию сохранить, как противовес России. Поднять Пруссию и через Берлин начать раздел России: Аландские острова и Финляндию передать Швеции, Прибалтику – Пруссии. Восстановить Польское королевство, как барьер между Германией и Россией. Молдавия и Валахия отходят к Австрии; Крым, Грузия – к Турции; Черкессия станет независимой или передается султану. Граница России на юге устанавливается по линии Кубани и Терека. Для Англии Пальмерстон оставляет Архангельск и Вологду, Дальний Восток и Среднюю Азию.

Князь смотрелся победителем, словно озвучил императорский указ о начале боевых действий. Нервно почесав кончик правого раскрасневшегося уха, продолжил:

– «Как трудно жить на свете, когда с Россией никто не воюет», – именно такими словами заканчивается сей документ, шедевр английского превосходства.

В тишине долгой паузы, после столь важного и пугающего заявления, одиночным выстрелом прозвучал звонкий юношеский голос:

– Кто устоит в неравном споре: кичливый лях или верный росс? Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль

иссякнет? – вот вопрос¹⁵.

Раздались веселые хлопки нежных девичьих ладоней. Их поддержали глухо и мощно удары мужских рук. Свидетелями разговора непроизвольно оказались Николай с Лизой, вышедшие из обеденной комнаты.

Дипломат, не показывая удивления несанкционированному вмешательству, искренне похвалил:

– Bravo, молодой человек! Мой лицейский друг заметил важную проблему цивилизации – выживаемость одних народов за счет других. И «славянский мир» в этом движении ничем не лучше и не хуже народов Египетской и Римской империй. Они знали секрет выживания. Он прост – в единении! Но для этого нужно пройти путь греха, как его прошли Адам с Евой, чтобы слиться для получения потомства. Так и славянским народам не пришло время для объединения. Они должны сначала разойтись, испытать свою гордыню.

Николаю показалось, что олово плавится в глазах дипломата. Ласковым голосом Горчаков дополнил сказанное:

– В котле человеческой жизни всегда есть место подвигу и бесчестию, но любовь к Отечеству, Богу и Императору российскому является основным мерилom нашего предназначения на земле. Потому вы, молодой человек, выбрали совершенно правильную дорогу, стать защитником Отечества!

Любовно отодвинул от себя изрядно похудевшую карточную колоду. Бросил на Николая затвердевший внезапно

¹⁵ А.С. Пушкин. Клеветникам России.

взгляд, холодной пулей пронзая собеседника.

– Значит, господин унтер-офицер, на днях отправляетесь в действующую армию?

Не подозревая подвоха, он ответил искренне:

– В Николаев, в штаб Черноморского флота.

Молодой унтер-офицер с трудом скрывал гордость, но стыдился своей несдержанности. В разговор вмешиваться без приглашения по меньшей мере не культурно. Мужчины запросто могли принять стихи за бахвальство. В подтверждение догадки тонюсенькие губы князя вытянулись в пренебрежительной улыбке. Коля покраснел и отвел взгляд на канделябр с ровно горящими свечами. Эти были свечи точно такие же, как в батушкиной усадьбе. Толстые и без запаха. Опасливо посмотрел на Лизу, но девушка одобрительно ему улыбалась. Она таким способом посылала сигналы поддержки. В благодарность ответил таким же необыкновенным взглядом.

Мужчины переглянулись и предупредительно покинули молодых влюбленных, оставив им время для объяснений. Николай понимал важность минуты, но не находил слов. Лиза также молчала, продолжая смотреть широко открытыми глазами. Так смотрят на необычное. Ей казалось странным, как случайный человек может в одно мгновение стать желанным. Николай же похолодел от осознания посетившего сегодня вечером знамения в виде «белых дьявольских облаков». Хорошо знал: именно таким способом Бог посылает чело-

веку подсказку и предупреждение. Лиза казалась ему таким подарком судьбы.

Николай беспричинно вспомнил слова девушки о скоропалительном замужестве Екатерины Ивановны. Восхищался ее решимости следовать за любимым человеком в дремучую тайгу. На подсознательном уровне искал подобного испытания для девушки, как потенциальной матери совместных будущих детей. Он верил в судьбу и не считал случайной встречу с Лизой. Подобное, видимо, произошло между Екатериной Ивановной и Геннадием Ивановичем в Иркутске. Встретились два желания, два человека с одинаковыми взглядами.

«Зачем такой подвиг? Почему одни женщины идут на панель, другие в Сибирь за мужьями-декабристами, осужденными в острог? Третьи наравне с мужчинами делят тяготы и нечеловеческие лишения. Ради чего на верную гибель шла восемнадцатилетняя жена лейтенанта Прончищева и молодая супруга, с кучей детей, командора Беринга? Другие, как его мать, посвящают себя заботе о семье», – так думал Николай, уже не стремясь выгодно показать себя перед девушкой.

Адмирал с важным дипломатом в соседней комнате продолжали общение, забыв о существовании секретов. Невельской не любил закрытых дверей, ограничивающих простор, к которому он привык на Дальнем Востоке. Еще гордился своей прямоотой и честностью, за что не раз незаслуженно

был наказан и бит «светской молвой».

– Великий князь Константин доволен вашим участием в судьбе несчастной сиротки, – тихо говорил дипломат. Выпуская дым из чувствительных тоненьких ноздрей, продолжал: – А она хороша! Через год-другой бутон превратится в прекрасную розу! Что с характером? Ведь девушка получила дурную наследственность.

– Мне трудно судить, – поддержал разговор адмирал, – вижу ее третий раз. Пятнадцать лет, самый возраст искать жениха. Красива, приветлива, обходительна. Возможно, честна и горда, как отец.

Собеседник живо подхватил:

– И распутна, как мать! А что капитан Орлов? Он же вам обязан реабилитацией и возвращением в дворянское сословие.

– Скорее не мне, а своему тайному покровителю господину Завойко, – угрюмо парировал адмирал.

– Не обижайтесь, – примирительно, сквозь зубы, держа во рту мундштук, отвечал Горчаков, – не хотел обидеть, да и кто старое помянет, тому глаз вон! К тому же контр-адмиралу Завойко на днях предписано вернуться с Камчатки в Санкт-Петербург. Пришел конец его беспредельному царствованию над огромным краем.

Адмирал с присущей ему прямолинейностью поторопился узнать о судьбе своего недоброжелателя:

– Не командующим ли Балтийским флотом определен сей

«доблестный муж»? – язвительно спросив, глубоко затянулся табачным дымом.

– Не угадали. Определен в должности члена морского генерал-аудиториата¹⁶. Государь не забывает старую гвардию и ее заслуг.

– А старая гвардия, как глухарь, слышит через раз, – съязвил в ответ адмирал, с обидой на императора и завистью к бывшим сослуживцам.

– Кстати, – продолжал Горчаков, – Орлов не стремится увидеть детей?

– Нет. Он выполняет условия сделки, – сурово ответил Невельской всезнающему и всем интересующемуся дипломату-разведчику.

Между тем Лиза с Николаем в другой комнате пришли с легкостью к единому мнению. По-другому быть не могло, когда в сердцах разгорается любовь.

– Я вас буду ждать! – с отчаянием проговорила Лиза, прервав долгое молчание.

Слова прозвучали так искренне, что Николай, от неожиданности не найдя равнозначного ответа, дотронулся губами до теплых кончиков пальцев девушки. Они источали сладкий и густой запах хмельного сусла – такого, которое старушка няня процеживала через сито и давала ему первому

¹⁶ Аудиториаты и генерал-аудиториаты – до введения военно-судебной реформы 1867 г. образовывали высшие ревизионные военные суды в России. Их было пять, по числу министерств.

попробовать. Это была священная память о прекрасном детстве. В ней легко нашлось место незнакомке. Не слыша себя, ответил вопросом:

– Даже если я буду ранен?

Убитым он и не представлял себя. Словно боясь получить отрицательный ответ, не выпускал ее руки. Усилий и не требовалось, Лиза также находилась в легком возбуждении и желала того же – продолжения сегодняшнего вечера. То было не простое любопытство, а зарождение любви!

Лиза на прощание подарила белый узорчатый платок, тот самый, поднятый Николаем на набережной, послуживший предлогом их знакомству. В горле появился спазм, мешавший говорить. Потому не спросил о желтой пчеле, вышитой на носовом платке. Впрочем, такая же пчела была выгравирована на свечном канделябре в прихожей дома адмирала.

«Наверное, пчела – элемент фамильного герба Невельских», – про себя решил влюбленный моряк. Насекомое казалось полезным и безобидным. Зло часто выдает себя за добро.

Дымов находился под впечатлением расставания с девушкой и при выходе из дома не придал значения письму, которое ему вручил Горчаков.

– Любезный, сей циркуляр найдите возможность передать главнокомандующему армией Михаилу Дмитриевичу Горчакову¹⁷, – сказал, словно отдал приказание, на прощание

¹⁷ С 24 февраля 1855 г. командование Крымской армией возложено на гене-

князь Горчаков.

Оказавшись на улице, Николай засомневался в серьезности полученного задания. Закралось подозрение, что таким простым способом его хотели выпроводить из дома, разлучив с Лизой. Да и срочность доставки была сомнительной. в его положении до Крыма добираться не меньше месяца. Появилась очередная догадка о передаче личной корреспонденции. Возможно, от семьи командующего. Присмотревшись внимательно к конверту, обратил внимание на необычный рисунок на красном сургуче. То была личная печать Александра Второго¹⁸. Совсем недавно Гербовый департамент Сената по заданию молодого царя разработал новый государственный герб империи, отменяющий одиночество двуглавого орла. Вот сегодня впервые увидел новый символ, двуглавого орла, окруженного четырнадцатью щитами с гербами¹⁹.

От мыслей отвлекла остановившаяся у подъезда дома

рал-адъютанта князя Михаила Дмитриевича Горчакова.

¹⁸ 18 февраля 1855 г. император Николай I скончался. На престол вступил его сын, император Александр II.

¹⁹ По мнению Николая I, отца Александра II, при составлении гербов губерний, губернских городов в обязательном порядке должна использоваться императорская корона, в гербах уездных городов – городская корона. Русские цари использовали монархическую атрибутику в духе укрепления государственности. В Советском Союзе герб также был в обрамлении территорий с особым статусом, только в виде лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на национальном языке каждой из пятнадцати республик. Государственные гербы имели все союзные республики.

Невельских богатая карета, запряженная парой черных лошадей. Не обращая на него внимания, человек в тяжелой епископской рясе легко спрыгнул с подножки. Позвякивая массивным крестом с золотой цепью, энергичной походкой направился к уже открывающейся двери. «Владыка Иннокентий!» – услышал радостный возглас старого моряка – привратника. На душе отлегло от открывшегося объяснения причины его скорого выпроваживания. Значит, ради этого гостя и находился министр Горчаков у полуотставного адмирала! Только странным казался такой визит в поздний вечер, и не походил внешне монах на «алюскинского героя». Скорее здесь готовился заговор! Николай, с опаской оглянувшись по сторонам, спрятал письмо в самый глубокий карман. Ему не хотелось начинать взрослую жизнь пособником революционеров, которых считал изменниками Отечества.

Поздним ночным гостем был вызванный на секретную встречу с молодым императором епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий. Невельскому с Горчаковым не терпелось узнать итоги тайного совещания, касающиеся перспектив развития Русской Америки и Дальнего Востока. Несмотря на войну в Крыму, царь со своим братом великим князем Константином нашли возможность обратить внимание и на дальневосточные владения. Тогда еще никто не догадывался, к чему приведет подобный «интерес».

До Харькова доехали за две недели. Труднее всего пришлось в Крыму. За годы российского владения там построили единственную шоссейную дорогу в 100 верст от села Таушан-Базар до Севастополя. Остальные были грунтовыми и находились «в дурном состоянии». Как только противник перекрыл морской путь, сухопутный стал труднодоступен. Транспортная проблема сразу же сказалась на обеспечении севастопольцев продовольствием и боеприпасами.

Николаев, где находились тыловые службы Черноморского флота, напоминал большой лазарет. На улицах, пока ехал в бричке еще с двумя такими же, как он, «новобранцами», встречали множество гуляющих военных на костылях или перевязанных свежими бинтами. Тягостное впечатление усиливал медленнодвигающийся перед ними с самого начала города длинный обоз, груженный ранеными.

В штаб прибыли к середине дня. Дежурный пожилой прапорщик моряка принял неласково. Попутчиков-армейцев, наоборот, даже приобнял, словно старых знакомых. Дымова подобное отношение не удивило. Черноморский флот к этому времени лежал на дне Севастопольской бухты, загораживая проход на рейд обороняющегося города вражеской эскадре. На сухопутном фронте требовались другие военные специалисты. Оставшись с ним вдвоем, Николай молча по-

ставил перед прапорщиком бутылку коньяка. Он ее вез от самой столицы, надеясь открыть, представляясь боевым товарищам по случаю своего назначения. Прапорщик с удивлением смотрел не на бутылку, а на унтер-офицера. Искренне не понимал стремления юноши идти на верную гибель, в «севастопольский котел». Для прапорщика столичный коньяк ценности не представлял. Неважно, что пить перед смертью! Сам со дня на день ожидал назначения на передовую.

Взгляд молодого унтер-офицера не просил, а требовал. Повидавший жизнь прапорщик видел одержимых, не отступающих от выбранного пути. С ними лучше не спорить.

В осажденный город Дымов прибыл 26 августа. Как раз к окончанию четвертой бомбардировки.

Успел отметить красоту и величественность местности, где раскинулся сорокатысячный город. Бухта разделяла его на северную и южную части. На южной стороне фактически и располагался основанный в 1784 году Севастополь. Здесь находились здания администрации, управления Черноморским флотом, госпиталь и недавно построенная Графская пристань. Северная часть служила мощной цитаделью, оштенившись орудиями в сторону моря. Именно севастопольскому рavelину отводилась основная роль в защите города от кораблей противника, но война проходила на сухопутном фронте. Позади знаменитые, но не остановившие врага сражения: Алмерское и Инкерманское, бои за Сапун-гору и Федюхины высоты.

Штаб находился в северной части города, где не велось активных боевых действий. Он располагался в уютном каменном домике, выкрашенном известкой в белый, самый мирный цвет. По пути пришлось перешагивать через повсюду валявшиеся ядра, обрывки одежды, многочисленные деревянные обломки, оставшиеся от разбитых телег. Разговор с адъютантом командующего, где Николай намеревался получить назначение, невероятно озадачил, — «под обстрелом каждый день гибнет около полка наших солдат, а это порядка трех тысяч». Молоденький лейтенант, в легком, не по уставному расстегнутом на пару верхних пуговиц кителе с опаской смотрел на передаваемый пакет. Устало принял документ и равнодушно, как оплачивая ничтожную покупку, предложил Николаю остаться в его распоряжении. Дымову показалось, что это сказано для приличия или из жалости к его неопытности и молодости. Нужно было знать Дымова. Его нетерпению не было предела. Рвался из душного города в самое пекло. Туда, где идет настоящий бой, совершаются героические поступки. Наконец, получив желанное предписание, расстегнул одним порывом сразу три верхние пуговицы кителя, с отвагой выпустив воротник белоснежной рубашки. Для Петербурга такое нарушение формы одежды было немислимо! Лейтенант, только что передавший ему командировочное предписание, одобрительно улыбнулся в жилистый кулак. В отличие от молодого унтер-офицера лейтенант хорошо знал, что такой воротник черноморцы называ-

ют «лисеями». В память о Лазареве²⁰. Он уже опустил глаза в ворох бумаг, предупреждая об окончании разговора.

Август 1855 года в Крыму выдался жарким. Воюющие стороны особенно страдали от недостатка воды. С Малахова кургана осажденные с нескрываемой ненавистью смотрели, как к окружающим их высотам бесконечными вереницами ползли, словно навьюченные животные, люди с боеприпасами и в первую очередь с водой. Так французы и англичане использовали своих союзников – турок.

К этому времени вице-адмиралы «лазаревцы», бывшие душой обороны города, Корнилов, Истомин и Нахимов, пали на Малаховом кургане. Один за другим.

Николая в общей неразберихе и следуя простой логике, отправили туда, где меньше рвалось на тот момент снарядов. На Малахов курган, в один из его бастионов. Старожилы понимали – именно данное направление является ключевым в обороне, но там пока было тихо. В блиндаже, напоминающем землянку, покрытую бревнами и обрывками почерневших бараньих шкур, казалось безопасно. Ночью над «картонным» потолком укрытия с угрожающим свистом проле-

²⁰ Лазарев Михаил Петрович (1788–1851) – русский флотоводец и мореплаватель, адмирал. Участвовал в Русско-шведской войне 1808–1809 гг. и Отечественной войне 1812 г. В 1827 г., командуя «Азовом», принял участие в Наваринском сражении. Сражаясь с пятью турецкими кораблями, уничтожил их. С 1834 г. командующий Черноморским флотом и командир портов Севастополя и Николаева. Умер в возрасте 63 лет. Похоронен в склепе Владимирского собора г. Севастополь.

тали бесчисленные ядра и рвались в юго-восточной части кургана. Там располагалась некогда самая оживленная часть города, корабельная слобода. От разрывов ядер известковая пыль тяжело, как уставший путник, поднималась к вершине холма. Белым ее налетом покрывалась одежда, скудная растительность, стволы орудий. Даже кусок черного подгорелого сухаря, полежав на открытом воздухе с полчаса, приобретал белый цвет. От забивающей нос пыли сильно хотелось пить. На новом месте не спалось. К визгливому гулу ядер Дымов привык быстрее, чем к наступившей под утро тишине. Она рождала подозрительность.

Сквозь худой потолок землянки пробивался первый острый лучик рыжего крымского солнца. Попутно прихватил с собой так необходимую струйку свежего воздуха, напоминающего о прохладном море. Вместе со светом Николай увидел оранжевый, в черную крапинку живой клубок. То облепили камень множество божьих коровок, собирающихся перед перелетом на зимовку в огромные колонии. Он не знал об интересной особенности этих солнечных жучков: в августе – сентябре улетать на север. Есть те, кто от суровой зимы не скрывается в теплых краях, а, наоборот, стремится сохранить себя под толщей снега и льда! Насекомые между тем продолжали шевеление. В их сосредоточенном молчании ощущалась надежность. С детским любопытством молодой офицер в еще не проснувшейся тишине наблюдал, как от желто-черной массы отделился крошечный

жучок. Не задумываясь о последствиях столь дерзкого шага, смело вполз на его потную ладонь. Остановился в раздумье. «Неужели герой испугался», – разочарованно вздохнул Николай. Но то был отвлекающий маневр. За разведчиком последовали еще две букашки. «Герой не бывает одинок», – только успел подумать, как над потолком землянки раздался мощный взрыв. Люди, ругаясь, поднимались с пола, стряхивая с одежды пыль и мелкие камешки.

Так начался его второй день на войне. Двадцать седьмого августа 1855 года.

Выйдя из землянки, почувствовал надвигающуюся пелену томящего в лощинах горы зноя. Испытывал на себе его расплавляющую силу еще в Николаеве, куда прибыл из Харькова. Суконный китель даже в полевом варианте был неудобен, принося страдания от тесноты и неприспособленности к жаркому климату. Форма создавалась не для войны, а для парадов.

Плеснул в лицо тухлой водой из стоящего у входа в землянку глиняного кувшина. В глаз попала острая соринка. Заученным движением приложил носовой платок к слезившемуся глазу, чтобы потереть к переносице. Быстро наступило облегчение. Встряхнув кружевной платок, бережно сложил, чтобы убрать в нагрудный карман нательной рубахи. На самое сердце. От лизиного подарка шел только им различаемый пленительный запах. Но открывшаяся «картина войны» заставила остановить приятные воспоминания. В метрах пя-

тидесяти от батареи располагался укрепленный участок на месте разрушенной до фундамента каменной башни. Крепости, которую не успели достроить к войне, как и многие другие оборонительные объекты. Глубокие траншеи многочисленными нитями обвивали весь каменный холм, отчего он становился похожим на муравейник. Хаотичность окопов заканчивалась правильной формы площадками с десятком пушек, в чугунных скобах которых торчали толстые морские канаты. То были знаменитые севастопольские бастионы. Николай хорошо видел, куда смотрели пустые глазницы-дула русских орудий, снятых с боевых кораблей. Внизу, у подножья кургана, на расстоянии не менее километра находились точно такие укрепления с многочисленными окопами и площадками осадной артиллерии. Вражеские орудия отличались не только внешне, но и били раза в два дальше. Английские штуцера тоже имели лучшие характеристики по сравнению с кремневыми ружьями русской армии. Защитники Севастополя компенсировали техническое отставание²¹ удалью и пренебрежением к собственной жизни.

Николай мечтал попроситься в отряд ночных «охотников», но не знал, к кому обратиться с подобной просьбой. Командованию не был представлен и начинал нервничать, понимая, что здесь не до него. Предчувствуя приближающуюся

²¹ Вооружение русской пехоты – гладкоствольное заряжающееся с дула кремневое ружье, стреляющее на дальность до 600 шагов. Нарезных ружей, бьющих до 1200 метров, в русской армии было не более 3 %. Противник их имел до 80 %.

юся грозу, поднял голову к солнцу. Там все было спокойно и мирно. Вдруг в небе показался медленно парящий одинокий кавказский сокол. Не боясь копошившихся внизу людей и чувствуя безнаказанность в воздухе, птица величественно приближалась к Севастополю. Хищник нес в когтях добычу. Мышонка. Николай увидел в этом хороший для себя знак. Мертвая мышь приносила ему удачу!

Несмотря на раннее время, артиллеристы, к батарее которых он приписан, копошились у своих орудий. Другие чистили обмундирование и оружие. Рядом запахло подгоревшим хлебом. Кроме него, никто не обратил внимания на парящую в небе над Курганом большую птицу, испугнутую под Балаклавой движущимися к Севастополю штурмовыми колоннами. А сокол с белой грудью искал место, где можно утолить голод. Время приближалось к обеду. Солнце между тем светило ярче и безжалостнее.

Самочувствие новичка старожилы обороны сравнивали с положением человека, внезапно окаченного водой. Так случилось и с Николаем. Как только он начал выбирать место своего «будущего героического поступка», что-то, словно стриж, пролетело рядом с лицом. Почувствовал дуновение смерти и вслух громко спросил:

– Что это?

– Пуля, господин офицер, – механически ответил пожилой солдат, отечески посмотрев на юношу.

Дымов снял фуражку и неосознанно перекрестился. Ему

стало неудобно перед солдатом за свою неуверенность, и чтобы сгладить происшедшее, он спросил о далеко не самом важном:

– Послушай, почему курган называют Малахов?

Выдержав для большей заинтересованности паузу, старый моряк начал рассказывать:

– Знать, барин, дело недавнее. Годков двадцать назад произошел бунт в севастопольском рабочем экипаже. Взбунтовались, когда объявили власти противочумной карантин. Бунт быстро подавили, а всех офицеров с командиром подполковником Неженцовым разжаловали в рядовые. Только господин Малахов, командовавший там же ротой, в уважение отменной службы, уволен в отставку тем же капитанским чином. Поселился в Корабельной слободе. До самой смерти работал главным надзорным за местным рынком. – Старый солдат посмотрел осторожно на офицера, словно боясь, что его самого заподозрят в участии в бунте, продолжил: – Малахов следил за качеством продуктов, судил обманщиков, а свои справедливые решения оглашал вот на этом самом кургане, который и называли²²...

Закончить фразу старый солдат не успел. Совсем рядом прозвучал резкий окрик: «Господам офицерам завтрак!» Николай как ни всматривался, не увидел даже малейших признаков походной столовой. Кругом преобладал грязно-белый цвет, напоминающий чехлы в прихожей дома ад-

²² «Николаевский вестник». 9 февраля 1868 г. № 11.

мирала Невельского, закрывающие мебель от пыли. Из землянки между тем, с осторожностью полевых сусликов, один за другим выползали офицеры, одетые в несвежие нательные рубахи. Ночной сосед, молодой унтер-офицер с белоснежной улыбкой, приобнял, увлекая в пространство, скрытое под широкой парусиной. Ровный квадрат четыре на четыре метра, обрамленный по периметру небрежно уложенными камнями, служил офицерской полевой столовой. Из мебели – два изломанных стула да пара досок в качестве стола. Пустые кружки и миски лежали тут же, аккуратно сдвинутые к краю. Перед входом два медных котелка, подогревающихся на углях. Офицеры брали кружки с мисками, подходили к солдату, наливавшему им чай из черпака. Затем большой деревянной ложкой аккуратно наполнял другую миску горячей кашей, аппетитно пахнущей бараниной. Не успел выбрать место на плоском камне у стенки землянки, как голосом уставшего адъютанта прозвучала команда: «Господа офицеры!» Николай один подчинился. Привстал, согнувшись вопросительным знаком. В низенькой столовой показался капитан-лейтенант. Николай отметил, только он и вошедший офицер были одеты в кителя. Судя по отданной команде, офицер являлся авторитетным человеком. Высокий рост мешал стоять прямо в низком укрытии. Изящно наклонил вперед гибкое тело, отчего костистое лицо вытянулось, выдвигая вперед выбритый до синевы подбородок. Всем своим видом он внушал независимость и надежность.

– Капитан-лейтенант Острено Феофан Христофорович²³, – буднично представился вошедший Николаю и протянул для приветствия руку. От растерянности тот выронил миску с кашей, но ответил крепким рукопожатием. Острено улыбнулся, резко и больно сжал его кисть и в то же мгновение легко освободил свою ладонь.

Его внимание быстро переключилось с Николая на окружающих.

– Господа, – негромко начал Острено, – слышали последнюю новость?

Легкий одобрительный шумок поддержал рассказчика.

Неторопливо отхлебнул горячего чая. Губами попробовав обжигающую медь кружки, смерил быстрым взглядом южных глаз завтракающих, будничным голосом продолжил:

– Слыхали? Французы собираются домой. Урожай винограда собрали их жены и заквасили вино, а немцы стоят в очереди за право снять первыми дегустацию. Правильно! С их жен.

Нестройный хохоток пролетел ласточкой перед дождем. Все ждали главную шутку, последовавшую тотчас же:

– Непредсказуемо повели себя и англичане. Помните, как бывший главнокомандующий князь Меншиков-Изменщиков, преисполненный гуманизма, выдал главное наше оружие врагу? Показал противнику чумное кладбище! Тогда не

²³ Старший адъютант Нахимова. За Синоп получил капитан-лейтенанта и орден Владимира IV степени с мечами.

обратили внимания на предупреждение, а сегодня ночью, спустя полгода, вспомнили. Посмотрите, как они отползают от нашего кургана. Как от чумки!

Офицеры с недоверием переглянулись, но последовали за Острено на свежий воздух. Действительно, в утренней дымке, предвещающей дневную жару, у подножья холма шло активное приготовление. Бледно-голубые мундиры французских пехотинцев перемешивались с красными шапочками турок. С кургана хорошо просматривалось движение тыловых соединений противника в сторону передовой линии окопов. То был первый бастион, расположенный у Большой бухты, на последней оконечности кургана.

– На бегство точно не похоже, – щурясь от всюду проникающего солнца, высказал мнение пожилой капитан пехотинец. В его голосе чувствовалась тяжелая усталость, перерастающая в равнодушие. Очередная шутка Острено еще больше привела в уныние:

– Худшее, что нам сегодня грозит, господа офицеры, – закуривать от отрезанной ноги.

Наблюдающие живо представляли картину: после ампутации достаешь папиросу из сапога своей только что отрезанной ноги и спокойно закуриваешь. Лучше быть убитым, чем попасть на операционный стол! Считалось, что врач обязательно отрежет руку или ногу, только попади в госпитальную палатку. Пугала не боль, а последующая жизнь в немощи. В том была гордость за самого себя, стремление актив-

но жить и приносить пользу своему полку. Именно воинское подразделение служило центром, где отмечалась доблесть и его мнением дорожили сильнее собственной жизни. Отсюда и объяснение особой чести русского воинства.

После грустной шутки с тяжелым чувством офицеры направились в сторону своих орудий. Николая остановил Острено.

– Господин унтер-офицер, имеется важное поручение, – таинственно начал капитан-лейтенант.

Уверенный в грядущем зачислении в «охотники», Дымов подался всем телом к Острено. В это самое время с быстрой стрижая, снова, как и утром, пролетели две пули, пробив сетку из ивняка, прикрывающую орудийную бойницу. Глухо вошли в камень рядом с головой командира батареи.

– Ваше благородие, – сказал молодой артиллерист, – отойдите от амбразуры.

На предостережение солдата не обратили внимания, лишь Николай чуть подался в сторону, но спохватившись, что его маневр примут за трусость, занял прежнее место. Здесь давно не боялись смерти и не бравировали смелостью. Между тем Острено продолжил:

– Сию же минуту, господин унтер-офицер, вместе с Чайковским, – кивнул в сторону средних лет прапорщика, стоявшего особняком, в выцветшей некогда красной рубахе. – Значит, направитесь в распоряжение штаба, в корабельную слободку. Найдете интендантского комиссара и передадите

ему список убитых и раненых.

Посмотрев вокруг, обратился к стоящему рядом Чайковскому:

– Якуб Владиславович, списки раненых, оставшихся по доброй воле на позиции, приготовлены?

Прапорщик поначалу замялся, но обменявшись взглядами с Острено, бодро доложил:

– Раненых на позиции человек пятнадцать, из них три офицера²⁴.

Чайковский обернулся к Дымову, добродушно улыбнулся, показывая широкие, как у лошади, белые зубы. Николаю не оставалось ничего другого, как унять свое тщеславие и приступить к исполнению приказа. Вместе с прапорщиком, используя эполемента²⁵ как укрытие, вышли с безопасной стороны, в тыл батареи. Время показывало одиннадцать. До начала последнего штурма оставался час.

По открытой местности, двигаясь по склону холма, следовало пройти порядка двух километров. Внезапно, сначала на середине кургана, а потом и в стороне их батареи начали рваться ядра. Канонада осадных орудий с каждой минутой усиливалась. Зловещий гул приближался с неминуемой очевидностью, как грозовое облако. Перекрикивая их вой, прапорщик предложил:

²⁴ Раненым солдатам, оставшимся на позиции, давалось до трех рублей серебром, а офицеры представлялись к награде.

²⁵ Земляное закрытие для орудий батареи с фланга.

– Давайте вернемся, иначе через пять минут нас накроет.

Множество взрывов по курсу их движения, в корабельной слободке, подняли тучу пепельной пыли. Противник, казалось, решил расстрелять весь боезапас. Уговаривать Николая не пришлось. Посыльные поспешно вернулись под укрытие своей батареи, нырнув в землянку. Прошло некоторое время, пока глаза привыкли к темноте. Теснота усиливала жару. Солдаты, приспособливаясь к духоте, снимали верхнюю одежду. Разноцветье рубах, запах пота и мочи, казалось, усиливался с каждой порцией разрывов.

Постепенно батарейцы разговорились. Слова и возгласы, смех над шутками вытеснили напряжение. Наконец случилось то, чего боялся Николай: их заметил Острено.

– Не донесли наградные? – спросил он прапорщика. Не дожидаясь ответа, повернулся к затуманенному от пыли выходу землянки, со злостью выкрикнул: – Значит, сегодня праздник у тыловых комиссаров!²⁶ Каждый покойник для них новая прибыль, посему, господа солдаты, матросы и офицеры, приказываю всем оставаться живыми, дабы не

²⁶ Обеспечение армия осуществлялось двумя способами. Первый – гражданскими подрядчиками. Проводились торги, где выбиралась частная компания на условиях, выгодных для казны. Второй способ – комиссионерский, реализовывался специально назначенным для того чиновником (комиссионером). Для него устанавливались пороговые цены, выше которых он не имел права делать закупки. Цена товара, а не его качество, была основным условием для его приобретения комиссионером, который получал 10 % от сэкономленной суммы. Чиновник, производящий закупки для войск, не подчинялся военным тыловикам и всю разницу между рыночной ценой и заплаченной за товар присваивал себе.

кормить «пиявок».

Шутка оказалась хорошо понятной и вызвала громкий хохот. Дымов видел, как командира батареи подчиненные уважают за отсутствие высокомерия и честность. Чувствовалось, Острено любит во всем порядок. Казалось, попроси, и приход смерти рассчитает. Комиссары знали эти его качества и побаивались его. Воровали интенданты поголовно, да еще пустили в свое оправдание шутку: «Чем солдат голоднее, тем злее».

Разрывы прекратились, но времени на отдых на войне не запланируешь. Глухо застучала дробь тревожных барабанов, предупреждающих о наступлении противника.

Батарейцы, как один, повыскакивали из укрытия. Опытные воины не нуждались в командах и приказах начальников. Каждый знал свое место в бою. Николай некоторое время растерянно наблюдал за сосредоточенной работой артиллеристов. Выстрел первого, затем второго, третьего, четвертого орудий привел его в чувство. Бросился туда, где нуждались в командире. Для наведения орудия следовало увидеть цель. Именно это незамедлительно и начал выполнять, для чего встал в полный рост, пытаясь заглянуть за бруствер. Увиденное поразило. Совсем рядом, сплошной стеной, надвигалось темное голубое небо. Живая масса французских солдат расплзалась, как студень, быстро приближаясь к батарее. Не сразу сообразил, что перед ним враги.

В эту самую минуту, когда готов был инстинктивно спря-

таться за каменную насыпь, Николай свалился от взрывной волны. Она не оглушила и даже не испугала. Мозг стал еще четче воспринимать происходящее. Рядом лежал солдат с развороченным до крови лицом, рука валялась неестественно далеко от туловища. Дымов инстинктивно пошевелил всеми пальцами, убедившись в их целостности. Боялся остаться без руки. Перед ним наклонился тот самый седой солдат, рассказывавший историю Малахова кургана. Их взгляды на секунду встретились. Николай увидел одобрение и усилием воли сделал попытку подняться. Стало стыдно за испытанный страх. Обидно за упущенный случай героизма, о котором все это время только и мечтал. Он не мог знать о негласном правиле оборонцев-севастопольцев – не нагибаться при звуке летящего снаряда – и того, что завел эту традицию сам Нахимов. А старый солдат всего лишь хотел убедиться, жив ли он. Дымов поднялся, с трудом опираясь на раненую ногу. Прямо перед ним возникло темно-синее пятно, впереди которого блестел на солнце штык. Представил, как острие войдет в его сердце. Как раз в то место, где его любовь к Лизе. Он не мог позволить так просто ее убить! Схватил попавшийся под руку предмет. Не ощущая его тяжести, с размаху ударил им по штыку французского пехотинца. Картуз²⁷ послужил ему дубинкой.

Увидел, как от первого удара штык наклонился к земле и прочертил возле его раненой ноги полумесяц. Вторым

²⁷ Картуз – мешочек цилиндрической формы, в котором хранится порох.

ударом Николай метился в огромную голову солдата. Попал опять по ружью, которое легко упало на землю. Француз немедля освободившимися руками вцепился в его горло. Николай всеми силами старался удержаться на ногах, но шансов оставалось все меньше. Враг был выше, мощнее, а удар тяжелым картузом не причинил ему вреда. Неожиданно сила его рук ослабла. Противник медленно опустился на землю. Рядом стоял прапорщик Чайковский, с окровавленной саблей, оскалив широкие лошадиные зубы.

Дымов очнулся от сладковатого запаха. Телега, в которой он лежал, стояла рядом с широкой ямой. Вместе с другими ранеными Николай наблюдал, как приготовленных к погребению в братской могиле обходили священник и с десятков солдат похоронной команды. То были артиллеристы. Молодой человек знал: по негласному правилу хоронить старались по родам войск. Уложив на дно могилы человек с двадцать, побросали на трупы сева­сто­польской известки. Затем еще партию покойников. И так несколько рядов. Николай, досчитав до семидесяти, бросил пустое занятие. Воспаленный мозг нагромождал конструкции, одна сумасшедшей дугой.

«За войну им всем платили деньги, поощряли льготами и наградами. Месяц службы в Севастополе засчитывался за три! В могиле почести ни к чему. Зачем придумали звания, призы, поощрения? Зачем дурацкие искусственные различия между людьми? Людей хоронят, как укладывают брев-

на в поленнице», – в нервном бессилии протестовал Дымов, наблюдая за солдатами, от жары и пыли похожими на ободранных одичавших псов.

Без сознания его вместе с другими ранеными довели до перевязочного пункта. Пришел в себя от резкой боли в ноге. Испугался именно за ее сохранность. Лежа на животе, увидел перед собой отрезанную кость с обвисшей желтой кожей, похожей на старую бумагу. От безысходности вцепился зубами в кисть руки, громко заплакал. Не мог смириться с потерей ноги в первом же бою. Получалось, молился за сохранность руки, а оторвало ногу. Слишком слабое утешение для восемнадцатилетнего человека. Обреченно открыл глаза, но не смог заставить себя смотреть на то, что осталось от некогда здоровой части тела. Чувствовал левую, шевеля пальцами. Правая нестерпимо болела. Свет заслонило бородатое лицо мужчины. По белой повязке на его голове Дымов понял, что перед ним доктор. На английском языке тот спросил его имя. Николай покорно назвал себя. Врач поднес к его пересохшим губам холодную кружку. Николай не раздумывая выпил. Оказалось— водка, горечь которой совсем не ощущалась.

– Питер Харрис, – в свою очередь, назвался хирург²⁸, – рашен, о'кей! Гуд, будет хорошо.

Дымов запомнил имя своего спасителя и особую примету – черные густые брови, сросшиеся у переносицы.

²⁸ Около сотни американских врачей-добровольцев находилось в Севастополе.

Его переложили со стола на носилки, перевернув с живота на спину. Николай зажмурил глаза, не желая видеть обрубков оторванной ноги. Надежда всегда умирает последней, как и совесть. Но никто не запрещал ожидать чуда. Он знал о необыкновенных гипсовых повязках, изобретенных хирургом Пироговым²⁹, способных сохранять обреченные на ампутацию конечности.

Очнулся на улице. Открыл глаза. Вид перевязанной и сохраненной после операции ноги зародил детское волнение, как рождественский подарок. Не скрывая радости, заплакал от счастья. Обе ноги на месте! Николай поклялся запомнить имя своего спасителя Питера Харриса, найти его и отблагодарить.

Главнокомандующий Горчаков остановил коня у перевязочного пункта. Того самого, где у входа, на свежем воздухе лежал на носилках после операции Николай Дымов. Главнокомандующий и никто из свиты, кроме разве что адъютанта, не знал Дымова. Не до генералов было и Николаю, который радовался своему второму рождению. Горчаков направлялся к первым рядам обороны, которая откатилась с высоты Малахова кургана к подножью. Следовало принимать решение о продолжении бойни, в которую превратилась война для обеих сторон.

Главнокомандующий распечатал конверт, доставленный

²⁹ Пирогов Николай Иванович (1810–1881) – великий русский ученый и общественный деятель, основатель полевой хирургии.

для него из Петербурга. Горчаков не являлся сторонником продолжения обороны южной стороны города. Знал недостатки русской армии и предвидел огромные людские потери. Письмо от молодого императора, который в очередной раз убеждал, во что бы то ни стало прорвать осаду Севастополя. Михаил Дмитриевич хорошо понимал мотивы Александра Второго. Ему нужна первая победа, а не поражение. Только победой можно прекратить разговоры о нелегитимном восшествии на престол. Все знали: по правилам наследования царем должен стать брат Константин. Главнокомандующий совсем недавно уже послушался царского совета и 4 августа приказал атаковать французские укрепления на Федюхиных высотах (между Сапун-горой и рекой Черной) и итальянские позиции на горе Гасфорт (высота 217 метров). В заранее обреченном на провал Чернореченском сражении участвовало более тридцати тысяч русских солдат. Погибло около половины. Полегла целая дивизия, около четырех полков³⁰. Дальнейшее наступление походило бы на безответное избиение младенцев. Подобную ситуацию он видел и сегодня, 27 августа. Несмотря на яростные атаки русских войск,

³⁰ В русской армии высшим войсковым соединением являлся корпус. Состоял из трех пехотных, кавалерийской и артиллерийской дивизий, саперного батальона. Всего корпусов было 14. Основное структурное подразделение армии – полк, состоящий последовательно из взводов, трех-четырёх рот и двух-трех батальонов. В полку служило до трех тысяч солдат. Срок службы – до 25 лет. После 15 лет при хорошей службе увольнялись в бессрочный отпуск. Так формировалась резервная армия, где бывшие солдаты ежегодно на месяц собирались на полевые сборы.

«союзники» не отступали с захваченных позиций. Малахов курган, опорный пункт обороны южной части города потеряян. Горчаков располагал резервом и мог направить свежие силы для возвращения высоты. Общая обстановка за сутки боев оставалась для русских нормальной. На всех других оборонительных позициях успешно отбиты атаки врага. Михаил Дмитриевич поразился, как стоны раненых в перевязочном пункте заглушали оружейные залпы. В подтверждение своего теперешнего пораженческого настроения и раздражения от письма императора услышал от дежурного офицера число потерь за день. Тринадцать тысяч человек!

Горчаков долго рассматривал захваченное противником укрепление, затем так же внимательно и долго наблюдал за работой похоронной команды. Той самой, которую перед операцией видел и Дымов. Николай оказался невольным свидетелем разговора в генеральском разъезде.

– Вчера передали письмо из дворца, – нарушив молчание, проговорил генерал, – государь просит прорвать осаду.

Чувствовалось, как трудно ему говорить, когда все молчат. Горчаков не относился к гуманистам и был безропотным исполнителем воли царя. Но равнодушным человеком он никогда не был, страдания раненых принял близко к сердцу. Знал, что в его воле остановить безумие убийства и пойти тем самым наперекор мальчишескому тщеславию императора. Сегодня он впервые поступал по своей совести, которая и есть здравый смысл, но часто расценивается как слабость.

– Приказываю организовать отход на северную часть Севастополя. Соединимся с Евпаторийской армией. Там мы будем сильнее, – выдохнув печаль многодневных переживаний, генерал повернул коня назад, к переправе.

Главкомандующий³¹ планировал сосредоточить все силы на северной стороне Большой бухты. Естественная водная преграда в 900 метров шириной лишила бы противника важного преимущества – превосходства в артиллерии.

Эвакуация военного гарнизона из Севастополя состоялась в ночь с 27 на 28 августа 1855 года.

В войсках стоял ропот. Солдаты и моряки открыто выражали недоверие командующему, отдавшему «приказ изменника». Все знали – атаки отбиты везде, кроме Малахова кургана.

Противник занял южную часть город 29 августа.

³¹ 1 января 1856 г. Горчаков отбыл в Петербург. С января 1856 г. до самой смерти Михаил Дмитриевич был наместником Царства Польского и главнокомандующим 1-й армией.

3

В одиннадцать часов дня 28 августа с балаклавской возвышенности английский лейтенант Найджел Кингскот рассматривал в подзорную трубу окрестности осажденного города. Лейтенанта-артиллериста перевели с линейного корабля командовать навигационным постом, расположенным на господствующей высоте, над самой Балаклавой³², древним поселком, с убогими каменными постройками вдоль бухты, похожим на изогнувшееся тело молодой танцовщицы. Здесь находилась база морского снабжения английских войск.

Лейтенант Кингскот неоднократно участвовал в артиллерийских рейдах корабля. За полгода службы в Крыму имел два представления к награде и денежный приз в 15 тысяч фунтов. После окончания войны на эти деньги он планировал купить патент на должность командира фрегата, с которой автоматически присваивалось звание капитана второго ранга и даровались пэрские привилегии³³. Для сына учителя географии получить такие чины было целью всей жизни и гарантом обеспеченной старости. Лейтенант заботился не только о себе, но и старике отце, маме и больной сестрен-

³² Сейчас это место называют «бочкой смерти».

³³ Пэрство – система дворянских титулов в Великобритании. Пять рангов – герцог, маркиз, граф, виконт и барон. Привилегии: право на суд своих же коллег пэров, право не подвергаться гражданскому аресту, право на доступ к суверену.

ке. Должность и деньги давали возможность совершить следующий важный шаг – женитьбу. Помнил, как отец напутствовал: «Сынок, мужчине, чтобы стать успешным, нужно две вещи: получить правильное образование и удачно жениться». Потому свое добровольное участие в войне с русскими лейтенант воспринимал как возможность разбогатеть за счет своей смелости. Его абсолютно не возмущала бездарность начальников, направляющих подчиненных на верную смерть, играя на их тщеславии и выставляя денежные приманки-поощрения. Он хорошо знал свою конечную цель. Другого пути добиться чего-нибудь стоящего, в Англии не существовало. Все продавалось и покупалось, а для обогащения и карьерной безопасности на мало-мальски значимые должности ставились тупые, но верные родственники. Не отставали от «гонки за прибылью» и простые военные. Для увеличения должностных окладов брали с собою жен и невест. Хорошее средство борьбы с сифилисом, но неважное для боевого духа. Война как средство быстрого заработка становилась популярнее веры.

Найджел Кингскот со своего поста следил за обстановкой. На море стоял полный штиль. В небе маленькая тучка напрасно пыталась закрыть солнце. От их борьбы на землю падали короткие тени, отчего рыжие волосы моряка, с пробормом посередине, походили на разгорающийся костер.

Он, как и вся осаждающая город армия, за одиннадцать месяцев устал от ожидания смерти, тифа и возможного уве-

чья. Несмотря на тяжелейшие бытовые условия, лейтенант отмечал перемены к лучшему в стане союзников. Снабжение войск значительно улучшилось. Уже не снимали одежду и обувь с убитых русских, только турки продолжали хоронить своих солдат раздетыми. Болезни, безжалостно уничтожавшие солдат, больше чем русские пули, казалось, отступили. Даже регулярно поставляемые газеты, справедливо ругающие командование за неумение руководить войсками, перешли на хвалебный тон. Не напрасно умерший от дизентерии командующий лорд Раглан³⁴ не терпел журналистов, считая их бесплатными информаторами русских. Такое мнение было обоснованным. Русская разведка придумала эффективный способ дезинформации противника и выуживания необходимых сведений. Задолго до войны, с целью обработки западного общественного мнения, выпускала в Париже якобы антирусский печатный газетный листок «Инвалид». Журналисты «Инвалида» соревновались с «Таймс» в достоверности событий и, главное, в их сенсационности и оперативности. Западные газеты часто перепечатывали информацию оттуда, выдавая за свою. Именно «Инвалид» первым запустил ставшую популярной у читателей «колонку пишущих с фронта». Но то была обыкновенная дезинформация, состряпанная русской разведкой. «Письма с фронта» британских и французских офицеров производили угнетаю-

³⁴ Лорд Раглан (Фицрой Джеймс Генри Сомерсет Раглан) родился в 1788 г., умер под Севастополем 28 июня 1855 г.

щее впечатление на соотечественников. «Повсюду беспорядок и неразбериха, – писал гвардейский офицер из-под Севастополя. – Каждый надеется, что за него его обязанности выполнит кто-нибудь другой, и в результате никто не делает ничего. Командующего не видели уже три недели. Ходят слухи, что он отправился зимовать на Мальту».

В войсках ходила шутка, что якобы русский царь так отреагировал на доклады своих генералов об увеличении средств на разведку: «Нам не нужны шпионы. У нас есть газета “Таймс”».

Найдзелу хотелось увидеть очередное грандиозное сражение, но город застилала дымка от многочисленных пожаров и не осевшей пыли от последней бомбардировки. Солнце словно встало на сторону защитников города, светило наступающим в глаза. Но купившие свои должности командиры английских полков³⁵ обучались быстро. Война не оставляла времени на лень. Охота за деньгами легко могла закончиться смертью. Создавшим свободный рынок подобная борьба за выживание оказалась привычнее и ближе, чем русский морализм и проповедничество.

Он направил подзорную трубу на новую дорогу, построен-

³⁵ «В то время существовал официальный прейскурант на командные должности в армии. Например, чин подполковника в пехотном полку стоил 4500 фунтов стерлингов, в кавалерийском – 6175, в гвардейском кавалерийском – 7250, в гвардейском пехотном – 9 тысяч. Ходили слухи о том, что некоторые полки переходили из рук в руки за 40 тысяч фунтов стерлингов...» (Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана).

ную турками. Из Балаклавы жирной черной змеей тянулись обозы в сторону далеких позиций. Увеличительное стекло выхватывало коричневые ранцы солдат, тощие крупы лошадей, похожие на лягушек осадные мортиры, телеги, груженные ядрами и бочонками с порохом. С бессильной обидой лейтенант наблюдал, как до тридцати запряженных лошадей по обочине нехотя тащили огромную осадную пушку. Он понимал, что от желания помочь им двигаться быстрее до реального воплощения – непреодолимое расстояние. Тешила лейтенанта одна хорошая мысль: сегодня русские в очередной раз получают за призывы к всепрощенчеству. Именно таким хитрым способом христиане влезли в доверие к римским императорам, а затем изнутри разрушили империю. Второй раз перевернуть подобный сценарий не получится. Наблюдая за движущимися войсками, предчувствовал скорое наступление. Оно должно быть внезапным и неожиданным для русских, привыкших к утренним боям. В этот раз штурм назначен на двенадцать, как раз в самый обед.

Вспомнился случай, когда первый раз Кингскот столкнулся с русским. То был пленный солдат, попросивший воды. Найджел дал отпить из фляжки бренди. Солдат поплелся дальше, бережно придерживая окровавленную раненую руку. Лейтенант еще не убивал людей и с интересом смотрел вслед пленному, походившему на гибрид животного с человеком. Отвращение росло настолько стремительно, что лейтенант, не справившись с враждебностью, выстрелил бедня-

ге в спину.

Неожиданно взгляд привлек плавно парящий над низиной у кромки моря сокол. Он выискивал добычу. Вдруг, слегка зависнув над кустарником, камнем рухнул вниз. Так же быстро оттолкнулся от каменистой земли. Пошел вверх, в привычную воздушную среду, туда, где он полновластный хозяин, без конкуренции людей и страха за свою жизнь. В когтях сокол держал извивающегося мышонка. Найджел попытался сравнить действия хищника с человеком: «Сокол не может без земли, дающей пропитание, укрытие от бури и дождя. И человек не может без общества, где происходит жесткая борьба за блага и богатства, за красивых женщин. Урвав что-то ценное, он пытается уединиться, как эта птица, чтобы потом снова вернуться в кипящий котел общественной жизни».

Между тем людское море неспешно тянулось к осажденному городу. Движение началось с палаточных лагерей, расположенных под его высотой, в Балаклаве. В это время сокол, напуганный людьми, направился в спокойное место, где можно в одиночестве расправиться с добычей. Под ним волнообразно двигались людские потоки, поднимаемые неведомой для него силой. Так, пролетев с два десятка километров, хищник оказался возле батареи Дымова. Именно его и видел Николай утром, за три часа до штурма Малахова кургана. Кавказский сокол так и бросит добычу. Не воспользуются взятием Малахова кургана и победители. После сда-

чи русскими южной части города особых успехов ни у той, ни у другой стороны не случится. Мир подпишут в январе 1856 года, но погибшие не станут укором живых из-за своей доблести! Всего погибло за 11 месяцев обороны 83 тысячи человек, у союзников 73 тысячи. Перевес сил в те дни был на стороне союзников: против шестидесятитысячной русской армии сражалось 115 тысяч. А к моменту первой высадки англо-французских войск на крымское побережье точно такой же перевес сил будет у русских. Даже цифры сходятся и угрожающе играют. Людей за числами способны видеть только сами люди. Именно они берегут в своих сердцах память о безвременно ушедших в иной мир. Памятники тому примером, а надписи говорят сами за себя. «Их разъединила победа, а объединила смерть. В этом слава солдат и судьба храбрецов» – такие слова высечены на кресте над братской могилой русских и французских солдат, погибших на Малаховом кургане.

4

Есть на реке Унже красивое, в то же время загадочное место. Называют его Островом. Река здесь несется, словно испуганный зверь. Когда идешь правым, высоким берегом, со стороны Поповской горы, Остров кажется вытянутым и лесистым. Нужно пройти деревню и остановиться у поклонной часовенки. Природа преображается. Длинная полоска земли чудесным образом превращается в огромный круг. Омывая его, вода шумит, притягивает. Остров напоминает в миниатюре таинственный Китеж, когда-то ушедший внезапно под воду.

Апрель в первый послевоенный год³⁶ радовал необычной для этих северных мест теплотой.

Николай стоял на высоком берегу Поповской горы, наблюдая ледоход. С тяжелыми вздохами набухшие от воды куски посиневшего льда двигались к середине реки. Потом что-то несколько раз громко треснуло. Показалась долго томившаяся темная вода. С шумом, похожим на ружейные залпы, она вырвалась наружу и стремительно закружила обломки льдин.

Дымов проводил в своем имении под Солигаличем последние дни отпуска. Сегодня прощался с малой родиной, как казалось ему, навсегда. Ничто не держало в любимом

³⁶ В январе 1856 г. подписан унижающий Россию мирный договор.

краю. Николай отписал свою долю родной сестре, в качестве приданого. Прощался с родительскими могилками на деревенском погосте. Как и год назад, после окончания Морского корпуса, впереди неизвестность, позади утрата. Он мечтал продолжить службу в составе морского экипажа Балтийского флота, и к тому имел основания: орден Владимира с мечами четвертой степени за проявленную в бою храбрость. Но прежде следовало навестить знаменитого родственника, адмирала Невельского, состоящего все так же на службе в Морской коллегии, институте бесполезном, но статусном. Николай рассчитывал получить протекцию адмирала, без которой сложно начинать карьеру.

Черед пару недель прапорщик Дымов подходил к коричневому особняку Невельских на улице Воскресенской, недалеко от Таврического дворца. Остановился в том самом месте, где впервые встретил Лизу, у похожего на согнутое колено поворота. Виделся с нею последний раз с полгода назад, когда долечивался в Кронштадтском госпитале. Затем письма и ожидание встречи. Он заранее сообщил Лизе о месте и времени: в полдень, 14 апреля 1856 года.

С Балтийского моря дул колючий свежий ветер. Высокая влажность усиливала холод. Николай уже полчаса ожидал свидания, пряча глаза за поднятым воротником черной шинели. Раненая нога мерзла и деревенела, но он не обращал на неудобства внимания, так не терпелось обнять любимую. Наконец показался силуэт быстро приближающейся женщины.

ны. Он сразу узнал ее энергичную, упругую походку. Страстный поцелуй в губы обжег и мгновенно согрел. Так же как в прошлый раз слуга-матрос открыл плохо поддающуюся тяжелую дверь. Николай попытался помочь, распахнул ее так сильно, что чуть не сорвал с петель. Старый моряк неодобрительно покивал головой. Он же не знал о копившейся все это время, как река подо льдом, внутренней энергии молодого прапорщика. Казалось, сегодня она должна выйти из берегов.

Приняв верхнее платье, старик оставил их одних в сильно натопленной прихожей. Молодые люди не отрывали друг от друга влюбленных глаз. Николай в ту минуту чувствовал необычную решительность. Его уже не интересовала и сама цель прихода к Невельским, как и возможность продолжать военную карьеру. Будущие чины, ордена, имения и премиальные, к чему так стремился только что, оказались совсем не нужны. Сделанное в жаркой прихожей адмиральского дома открытие снимало тяжелый груз забот и, самое главное, необходимость просить за себя. На протяжении всей своей девятнадцатилетней жизни Николай постоянно сталкивался с напоминанием о зависимости от других людей и необходимостью терпеть обстоятельства, покоряться существующим в обществе, в его кругу правилам поведения. Таким способом обеспечивалась жизнь. Возможно, удачная женитьба к годам тридцати пяти, небольшая военная пенсия – и остаток дней доживать в бедном имении с детьми и внуками. Аль-

тернативы для него тогда не существовало.

В этот момент на кисть его правой руки упала капелька горячего воска. Как и в прошлый раз, он с опаской посмотрел на тяжелые подсвечники на стене с «китовыми свечами». Дымов знал, что девушка, сидевшая рядом, изменит его судьбу.

Николай увидел, как энергичной походкой с лестницы второго этажа спускается сам хозяин. Невельской, не скрывая радости, обнял Николая. От него пахло душистым табаком и веяло расположением.

Мужчины сели к окну, в тяжелые кожаные кресла, друг против друга. Женщины удалились на свою половину.

– Чем живет Солигалич? – спросил скорее для приличия адмирал.

Николай ожидал подобного вопроса, потому обстоятельно описал необычно теплую погоду, виденный на Унже ледоход, плачевное состояние санной дороги от Костромы до Петербурга. Обсуждать итоги пораженческого соглашения старательно избегали. Лишь в конце беседы адмирала прорвало:

– Император в 1853 году готовился захватить Константинополь, а не оборонять Севастополь. В этом есть причина нашей неготовности к войне в Крыму. Он просто бредил Босфорской операцией. Даже Нессельроде³⁷ не сумел уговорить его отказаться от убийственной затеи, ради которой забро-

³⁷ Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) – с 1816 г. – министр иностранных дел, с 1845 г. – государственный канцлер Российской империи.

сил другие более важные дела. Потому император и ставил командовать Морским штабом, Дунайской армией и Черноморским флотом ни на что не способных из-за своей немощи стариков. «Паровоза, – говорил, – не изобретут, зато ничего не сломают»³⁸. Стабильность была важнее боеготовности. Молодежь в лице Нахимова, Корнилова и Истомина допустили к руководству, когда стало понятно, что война проигрывается.

Николай не понимал, к чему клонит адмирал. Дабы не обижать заслуженного старика, которому было чуть больше сорока, силился изображать заинтересованный вид. В свою очередь, адмирал никак не мог предполагать, что молодой прапорщик больше не нуждается в его советах. Дымов к этому времени решил связать жизнь с Лизой. Даже вопреки здравому смыслу пожертвовать карьерой. Невельской, понимая, чем обычно заканчиваются подобные визиты родственников, оттягивал главную тему разговора. Лучший способ ухода от чужих проблем – предупредить собеседника о своих. Обделенный вниманием власти, адмирал продолжал выражать недовольство:

³⁸ 11 апреля 1851 году умер от тяжелой болезни строитель Черноморского флота адмирал Лазарев. Назначили на должность командующего семидесятилетнего генерал-лейтенанта Берга. Подписывая указ, царь характеризовал назначенца как бездеятельного, – «паровоза не изобретет, но и не чего не сломает». Главным командиром Севастопольского порта был старик Станюкович. Командующий в Крыму армией Меншиков и дунайской армией Воронцов по возрасту не могли активно заниматься своими обязанностями.

– Поделили империю на сферы влияния двух-трех кланов-фамилий. Все у них в руках: земля, недра, войска и власть. А царем крутят и вертят, как хотят. Тот же Нессельроде и «его группа» ничего не делали против англичан. Мою амурскую экспедицию порочили и всячески ей препятствовали через своего ставленника генерал-губернатора Камчатки Завойко. Для них важно сохранить свой чайный путь в Китай через Кяхту, а не приращение к России новых земель³⁹. В Российско-американской компании ничуть не лучше! Другой клан занимается «интересами государства», в лице великого князя Константина, путая государственный карман с собственными. Посмотрите, 95 процентов ее акций принадлежит правящему семейству! Значит, всегда есть опасность, что личные интересы противопоставят национальным. А борьба с коррупцией! Чем больше осуждается взяточничество, тем активнее берут взятки на самом верху. Шизофрения! Раздвоение личности!

Невельской остановился, понимая, что наговорил в горячке лишнего. Изрытое оспой желтое лицо походило на перезревший лимон, красные, навывкате глаза обиженно моргали. Нервничал, бессознательно теребя пальцами пуговицы адмиральского мундира. Начищенные до зеркального блеска, желтые орлы на них ловили отблеск от горящих свеч. Медь

³⁹ Торговля чаем приносила доходов намного больше, чем вся промысловая торговля Российско-американской компании. Да и с государством делились за счет таможенных пошлин, а Российско-американская компания в казну приносила мало, пользуясь защитой великого князя.

императорских орлов понемногу краснела, приобретая цвет крови.

На губах адмирала пробежала извиняющаяся улыбка. Закаленный невзгодами сорокапятилетний мужчина, взяв себя в руки, назидательным тоном спросив:

– Где планируете служить, милостивый государь?

Николай не ожидал вопроса. Видя его растерянность, Невельской взял инициативу на себя:

– Учитывая ваше теперешнее положение... – Он смерил собеседника изучающим взглядом, долго глядел на клюшку, с которой последнее время Николай не расставался, и заключил безоговорочно: – Требуется вам место небойкое, скажем у нас в Коллегии, помощником секретаря!

Николай не понял сути выгодного предложения и машинально покачал головой. Адмирал заметил отрицательную реакцию гостя и тоном, не терпящим возражения, продолжил:

– Я бы на вашем месте не отказывался. К тому же орденосец, герой войны! Наверняка проходная кандидатура. Я орден Владимира с мечами получил уже в чине капитана второго ранга. Вам всего девятнадцать лет, герой!

Теплое место передвигать бумаги в Морской коллегии Дымова совсем не прельщало. Он стремился на корабли Балтийского, единственного и главного Военно-морского флота в тогдашней России. Невельской заметил настроение молодого офицера, который ему начинал нравиться. Воспи-

таннный в крепостнической атмосфере презрения к человеческой жизни, до безрассудства целеустремленный адмирал уважал подобных себе, характерных. Он убедил Дымова занять временно предлагаемую должность, до полного излечения раненой ноги.

Присутствие женщин на корабле, по морскому поверью, приносит несчастье. В других местах его действие сомнительно. На прощание Екатерина Ивановна обратилась к мужу:

– А что если Дымов поедет вместе со мной и Лизой в Прагу? Там хорошие целебные источники в Карловых Варах. С его больной ногой полезно подлечиться. В дорогу через неделю. Пригласивший нас князь Горчаков не станет возражать.

Зная властный характер мужа, нежно погладила его плечо. Чувствовалось, как закаленный и грубый вояка от женского прикосновения размякает, словно хлеб в воде.

Для Николая же предложение оказалось неожиданным, как и новая должность. А Лиза, сузив глазки, хитренько улыбалась. Николай отметил, как у обеих женщин появляются одинаковые ямочки на щеках, когда они улыбаются. Сговор был налицо. Невельскому и Дымову оставалось подчиниться женской солидарности.

На прощание адмирал, между прочим, поделился с Николаем своим отношением к браку:

– Николай Александрович, не спешите жениться на юных

девах до тех пор, пока не станете богатым, известным и успешным. Я со своей супругой обвенчался в тридцать четыре года, в звании капитан-лейтенанта. Тогда было другое время. Вам, молодым, сегодняшним, не понять нас вчерашних. Наши женщины шли за мужьями на край света из любви и долга. Нынешняя молодежь, начитавшись модных французских писак, ведет себя слишком вольно. Не догадываются про обман Золей и Мопассанов. У себя на родине они как зеницу ока берегут покой буржуазной семьи и собственности. Нам же навязывают свободные отношения до брака, да и черт-те что. Плюнуть хочется им в рожу.

Пока Николай выправлял документы и справки для получения ссуды на заграничное лечение, Лиза с Екатериной Ивановной, не дожидаясь, отправились в Прагу.

Легендарный Пражский град, историческая память о некогда существовавшем славянском государстве в центре Европы, служил символом объединения. Начинался период создания национальных государств, и российские дипломаты объединяли вокруг границ империи союзников по крови, славян. Князь Горчаков как раз в это время готовил в Праге собрание славянских народов. В свою очередь, общественное мнение Европы подогревалось огнем неприятия России. Победительнице Наполеона Бонапарта не простили триумфа 1813 года. Больше всего преуспели в антирусской пропаганде английские газеты. Начинали с откровенного вранья, а заканчивали ненавистью.

Существовала и другая правда, которую увидел Дымов, проезжая юго-западную границу империи. Приграничные города переполнены беженцами – славянами из Болгарии, Сербии, Греции. Они плотными кольцами обступали православные храмы, прося подаяние. Их измученные лица, убогие лохмотья говорили о том, что если им не дать милостыню, завтра турки поработят и Россию. Для большинства русских тогда именно Османская империя считалась врагом но-

мер один, в немалой степени по религиозным причинам. Защита православной веры и освобождение святых христианских мест из-под власти мусульманских правителей были основой внешней политики царизма.

Такое отношение османы справедливо заслуживали. Завоеванные народы отличной от их веры не считались за людей. Спорные дела между ними не допускались до суда. Мусульманин был всегда прав перед немусульманином. Бесправие порождало протест, на поработанных славянских территориях Европы вспыхивали восстания с постоянной регулярностью. Было от чего! Дымов в ходе своего двухнедельного путешествия от Петербурга до Праги встречал многочисленных жертв турецких издевательств. Стариков с изломанными пальцами, молодых женщин с выжженными глазами и с грудным ребенком на руках, полных сил мужчин с обрубленными кистями рук. Однажды, на одной из остановок в болгарском селе, разговорился с десятилетней девочкой. Ее история требовала справедливого отмщения.

– Посмотрите, что они сделали с моим отцом, вставшим на защиту моей мамы, которую захотел изнасиловать турецкий мальчишка перед своей свадьбой⁴⁰.

Мужчина, потупив глаза, стоял рядом. Вместо кистей рук торчали у него красные обрубки. Ему было стыдно от беспомощности. Из черных глаз тонкими струйками текли слезы.

⁴⁰ Была такая традиция. Перед свадьбой мусульманин насиловал женщину или девочку иной веры, в первую очередь с целью унижить поработанных.

Дымов положил в руку ребенка самую крупную купюру, имевшуюся в наличии.

Многие русские тогда в порыве патриотизма записывались в добровольцы и не понимали, почему император не вводит войска в турецкие владения для возмездия врагу и помощи единоверцам. А на базарах народ говорил о новой большой войне с турками и поддерживающим их Западом.

В границах Австро-Венгерской империи подобных сцен почти не встречалось. Здесь Дымов наслаждался видом расцветающей природы, радостным щебетанием птиц, пьянящим воздухом плодородных равнин. Этот прекрасный край создан для мирной и счастливой жизни. Напрасны были его потуги объяснить себе причины человеческой жестокости, кровожадности. Он не мог понять, чего людям не хватает для полного счастья, которое у них же в руках.

В начале мая Николай прибыл в Прагу. Снял комнатку в доме возле городской Ратуши. Не успел он разведать окрестности, как принесли записку от Лизы. Завтра их приглашали на вечер музыки в дом известного музыканта Бедржиха Сметаны⁴¹. Лиза подъехала намного раньше назначенного времени. Влюбленные нежно обнялись. Не отводя друг от дру-

⁴¹ Бедржих Сметана (1824–1884) – чешский композитор, пианист, дирижер и общественный деятель. Написал «Марш студенческого легиона Пражского университета», «Марш национальной гвардии», «Песню свободы», симфонические поэмы «Ричард III», «Лагерь Валленштейна», «Ярл Гакон». Будучи уже полностью глухим, написал оперу «Поцелуй» (пост. 1876) и симфонический цикл «Моя родина» (1874–1879).

га взглядов, пешком направились по узеньким улочкам старого города. Совсем скоро вышли на широкую дорогу, ведущую от Карлова моста к памятнику Святому Вацлаву. Перешли дорогу и оказались в гуще деревьев городского парка. По земляным аллеям гуляли хорошо одетые люди. Дамы в воздушных, словно крылья разноцветных бабочек, кринолиновых платьях и множество военных в голубых мундирах. Николай отметил их праздные и сытые лица. Город служил базой отдыха завоевателям.

– В этом доме Гёте написал своего знаменитого «Фауста», – поделилась познаниями Лиза.

– Посмотри, дорогая, – Николай нежно обнял теплые плечи девушки, – на крыше дома на самом деле сияет огромная дыра, через которую черт прилетел к писателю, рассказав историю, как человек продаёт Мефистофелю свою душу в обмен на мирские удовольствия.

– Жадный черт пролез через трубу, а из дыры в крыше вылетел сам доктор Фауст. Вслед за Мефистофелем, – поправила девушка.

За разговорами не заметили, как подошли к дому композитора, который находился в новом районе, застраиваемом аккуратными, похожими друг на друга особнячками. В мирное время жизнь налаживалась. На удовольствия денег не жалели. Небольшое двухэтажное здание в виде полукруга, с узкими окнами от пола до потолка, создавало впечатлительное волшебного замка. Небольшой дворик со скульптурны-

ми композициями вдоль чугунной оградки. Николай насчитал семь скульптур с разными сюжетами. Поделится с Лизой наблюдениями:

– Посмотри, вроде две одинаковые композиции с полуобнаженными мужчинами и женщинами.

Девушка в ответ пожала плечами, не понимая сути вопроса.

– Везде мужчины значительно старше юных дев, – пояснил Николай.

– Чего же здесь необычного, – сделала равнодушный вид спутница, – в любви возраст не играет никакой роли. Взгляни туда. – Лиза небрежно махнула платком в сторону каменной пожилой женщины, обнимающей обнаженного молодого любовника, подтвердив жест словами. – Любовь ровесников не ищет!

– Ты оправдываешь разницу возраста в браке? – спросил Николай, начиная понимать, зачем на прощание Невельской предупреждал не спешить жениться.

«Значит, Невельские против нашего будущего брака, – с досадой размышлял Николай. – Лиза, вероятно, в курсе его мнения и пойти против своего приемного отца не сможет или не захочет».

Лиза внимательно разглядывала очередную композицию-историю, где старик обнимал молоденькую девушку. Догадка пришла сама собой – у Николая имеется конкурент в лице пожилого князя. Вот на что намекал и предупреждал

адмирал! Тем более Горчаков сейчас свободен, он совсем недавно похоронил жену.

– Дело не в возрасте, а в надежности, – продолжила начатый разговор Лиза, – для женщин сильное плечо, ласковое слово— основа отношений. Впереди рождение ребенка, и состоятельный отец малыша обязан ей помогать в его воспитании и обучении. Женщине важно чувствовать уважение мужчины и быть с ним равноправной.

Возразить на ее практицизм было нечем. Вот только равноправие его не утешало. Николай отметил за собой новую странность – принимать в штыки любые ее слова. Животный эгоизм заставлял его охранять собственность. Другого ценного имущества, кроме этой девушки, у него просто не имелось. Николай осознавал за собой такой грех и пытался мириться с модным увлечением эмансипацией, свободой в выборе профессии. Все что угодно, только не свобода выбора партнера! Выбирать и решать, по его мнению, должен мужчина.

Начинающиеся разногласия прервал Бедржих Сметана, не старый еще человек в модном коричневом сюртуке с ослепительно белым воротником рубашки и зачесанными назад упрямыми седеющими волосами. Он ласково пригласил пару в дом отработанным жестом, каким предупреждают музыкантов о готовности к концерту. Слуга, в красной жилетке, из-под которой выглядывали желтые манжеты, аккуратно открыл массивную дверь. Николай, как в прошлый раз, перед

домом Невельских, сделал попытку облегчить усилия слуги. Тот ответил доброжелательной улыбкой и словами: «позор, позор!»

Лиза заметила удивление жениха и уже в прихожей шепнула:

– Слуга не хотел тебя обидеть. «Позор» на чешском означает «осторожно».

В левом крыле дома, где собрались немногочисленные гости, находился кабинет композитора, представляющий собою просторную и светлую залу. Широкие окна не создавали преград дневному свету. Ощущение витающей здесь необычной энергетики с самого начала не покидало присутствующих. Композитор незаметно сел за фортепьяно и без предупреждения начал мощно играть. Музыка лилась повсюду, молодым вином пьяня сознание. Гости тихо рассаживались на стулья, расположенные полукругом перед композитором и его удивительным музыкальным инструментом.

Лиза провела Николая за руку на свободное место, которое оказалось рядом с Горчаковым. Молодой человек почувствовал прилив ревности. Рассматривая князя, находил черты его лица отталкивающими. Его раздражали эти узенькие, как у суслика, ноздри. Они вздрагивали от повышенной чувствительности, когда тот мельком наблюдал за Лизой. В ходе концерта Горчаков несколько раз смотрел и на Николая. То был совсем другой взгляд: холодным оловом целящийся прямо в сердце. Вместе с предчувствием потери Лизы в ду-

ше его поднимался протест против «свободы женщины». То была ревность, совпавшая с ритмами музыки.

Энергия звуков передавалась приглашенным гостям. Их лица сияли в праздном удовольствии. Николай же энергичнее и намного быстрее, чем в обычной обстановке, думал. С обидой на адмирала осознавал, должность помощника секретаря в Морской коллегии предложена ему неслучайно. Тем самым покупается его отступление от Лизы. Взамен любви! Такова цена предательства. Николай не сомневался в своих чувствах. «Но как поведет себя Лиза, если ей предложено даже больше? А неожиданная поездка на лечение за границу похожа на хорошо режиссированный спектакль. Видит ли Лиза нависшую над нами угрозу?» – лихорадочно думал он, не находя ответов, которые стремился получить немедленно.

Интуитивно ища поддержки, Николай сжал ее пальцы. В это время музыкант перешел к более спокойной композиции – мелодичный венский вальс успокаивал. Внезапно Лиза решительно высвободила руку, бросив на Дымова укоризненный взгляд. Он почувствовал, что его стесняются. Совсем другое выражение лица появилось у девушки, когда она повернулась к Горчакову. Необычно приветливо улыбнулась. Ниточка бескровных губ князя ответила плотоядной ухмылкой – так показалось Дымову.

Женщина быстро отвыкает от некогда любимого мужчины в руках более сильного.

Утро следующего дня для путешественников обещало быть необычайно активным. Главное событие – собрание славянских народов, подготовленное Горчаковым, чтобы объединить славян, союзников России. Мероприятие проводили на маленьком острове на реке Влтаве, который стали называть Славянским после прошедшего в Праге в 1848 году первого съезда славян.

По пути Николай зашел в один из многочисленных пражских костелов. Прямые стены, переходящие в острые конические башенки. На входе – распятый на черном кресте Христос, с прибитыми гвоздем, сложенными внахлест ступнями. В камне, в отличие от православных, изображены католические святые. Они везде: внутри костела, на его фронтонах. Каменные надзиратели за живыми людьми создавали атмосферу тревожности. Радостные аккорды органной музыки, блеск золотого убранства и умиротворяющий свет сквозь разноцветную мозаику огромных окон-сводов лишь подчеркивали величие церкви рядом с судьбой человека. Зато верующие во время молитвы демократично сидели на деревянных скамьях. Николай чувствовал фальшь, искусственно созданную видимость простоты и раскрепощенности храмовой обстановки. Иначе смотрелись памятники святым на Карловом мосту⁴². Одна из «каменных историй» особенно запомнилась. Под ногами грозного святого за тюремной решеткой,

⁴² Карлов мост, соединяющий исторические районы Малая Страна и Старе Место. Изначально назывался Пражским.

согнувшись в три погибели, в оковах еретики. Лица их выражали нечеловеческие мучения. Точно такое же выражение лица он видел в болгарской деревне у мужчины с отрубленными кистями рук. В назидание, в пример другим за непослушание. «Пытками и смертью, – рассуждал Николай, – огнем и мечом прививали святые отцы свою веру чехам». Подобным образом поступали и турки по отношению к иноверцам.

Николай обратил внимание на человека, читающего книгу. Осторожно заглянул ему через плечо. «Лабиринт света и рай сердца, ясное изображение того, как в этом свете и во всех его предметах нет ничего, кроме суеты и блуждания, сомнений и забот, ослепления и обмана, бедствий и скорбей, наконец, пресыщения всем и разочарования, и как только тот добивается истинного и полного успокоения духа и радости, кто, оставаясь дома в своем сердце, замыкается с одним Господом Богом»⁴³, – учил и в то же время успокаивал чужой английский текст.

После осмотра костела Дымов нашел на Славянском острове уютный ресторанчик, место встречи с Лизой. Где-то рядом ласково играла скрипка. В лучах солнца, над самой водою медленно скользила дымка испарения. Простенькие картины с полуобнаженными феями призывали многочис-

⁴³ Ян Амос Коменский (1592–1670) – священник, епископ. Странник идей гуманизма. Призывал людей уйти в себя, удалиться от участия в общественных распрях. Его книга «Дверь языков» адресована чешскому патриоту.

ленных посетителей увеселительного заведения к истинной ценности жизни – удовлетворение желаний плоти. Николай наблюдал за пышными одеждами чешских красавиц и думал о неистребимом человеческом тщеславии перещеголять в красоте природу. За столиком, покрытым розовой скатертью, мирно беседовали Екатерина Ивановна, Лиза и Горчаков. Князь, вместо приветствия, встретил Дымова шуткой:

– Ну-с, молодой человек, новую службу начинаете с опоздания. Передаю милых дам на ваше попечение, а сам вынужден убыть. Дела-с, – изменив тон на ласковый и услужливый, обратился к женщинам: – Жду всех на славянском собрании. Через час. И вас, молодой человек. Сегодня первое боевое крещение на ниве служения государственной бюрократии. Поручаю вам вести протокол собрания. До скорой встречи!

Есть люди, которые уже своим присутствием раздражают, вызывают чувство опасности. Другие, наоборот, притягивают, располагают. К первым для Николая относился князь Горчаков. Ко вторым, к тем, кто располагает, Лиза и Екатерина Ивановна. Сегодня разговор сразу не заладился, хотя князь и покинул заведение. Женщины увлеклись журналом с картинками дамских туалетов, живо их обсуждая. Николай, обделенный вниманием, с любопытством разглядывал посетителей. Знакомые черты увидел в одном из мужчин: приветливый взгляд на мужественном загорелом лице и сросшиеся черные брови у самой переносицы. Необычный ярко-желтый пиджак самого модного покроя подчеркивал его неза-

висимость, достаток и широкие плечи. Дымов узнал Питера Харриса, того самого хирурга-американца, оперировавшего в Севастополе его раздробленную осколком ядра ногу.

Извинившись перед дамами, Николай подошел к столику своего спасителя, представившись. Доктор поднялся с шумом, придерживая готовое упасть легкое плетеное кресло. Изучающим взглядом добрых глаз смерил его с головы до ног. Затем хваткой медведя обнял, приподнимая над землей.

Все складывалось удивительно легко и непринужденно. Николай сообщил дамам о неожиданной встрече, обещая самостоятельно прибыть на славянское собрание. Женщины с пониманием отнеслись к непредвиденным обстоятельствам и покинули ресторан. Узнав о цели его прибытия в Прагу, Питер предложил свои услуги врача. Данное обстоятельство облегчало и удешевляло лечение. Их увлеченному разговору постоянно мешал шум за соседним столиком. Трое мужчин и одна женщина громко обсуждали, как понял Николай, предстоящее собрание славянских народов Европы. Его, хорошо знавшего английский язык, насторожил тяжелый акцент соседей. Быстро разобрался, скорее по национальной одежде: двое мужчин – грек и серб, третий – чистокровный англичанин. Женщина болгарка.

– Греческий народ одинаково благодарен в борьбе и Англии, и России. К тому же наша цивилизация от этих стран всегда находилась на равном географическом удалении. Дорогой Найджел Кингскот, мы не можем разделить друзей.

Потому не можем игнорировать славянское собрание, – отстаивал свое право выбора один из мужчин, грек по имени Зозимос.

В России с тридцатых годов с сожалением наблюдали, как греки с приобретением независимости откатываются в своих симпатиях к Великобритании. А Республика Ионийских островов в Средиземном море, получившая независимость от французов благодаря русскому флоту во главе с адмиралом Ушаковым в 1799 году, волшебным образом оказалась под протекторатом Англии. Просвещенные люди, к которым конечно же относились Дымов с Харрисом, прекрасно знали такой международный парадокс. Аппетиты английской монархии не имели предела.

Тот, кого называли Кингскотом, отвечал на английском с легким шотландским акцентом:

– Русский царь ничем не отличается от турецкого султана! Взамен одного палача, получите не менее кровожадного. Вспомните, как царизм расправлялся с восставшими поляками? Потопил в крови своих же братьев славян! Вас ждет та же участь. Только протекторат английской королевы даст греческому народу настоящую свободу. Именно в Англии самые демократические институты власти, а мы вас научим парламентаризму!

Неожиданно Кингскота поддержала делегатка-болгарка:

– Россия снабжает повстанческие отряды плохим и устаревшим оружием. Вы недавно предложили передать нам

штуцерные винтовки, организовать в Англии учебу наших командиров.

– Но русские добровольцы вряд ли согласятся воевать под командованием офицеров, получивших военное образование в Англии, – подверг сомнению высказанное предложение молчавший все это время мужчина.

Кингскот моментально отреагировал:

– Тогда мы будем им платить за участие в войне хорошие деньги!

– Русские не наемники и за деньги не воюют, – стоял на своем, несогласный с позицией англичанина, похожий на серба собеседник.

– Деньги не пахнут, – нашелся Кингскот, – в конце концов мы можем сначала оформить финансовую помощь повстанцам, как от третьей стороны. Скажем, от китобойной флотилии, принадлежащей мне. Вчера с моим другом Зозимосом заключили соглашение об участии греческих рыбаков в самом выгодном и денежном бизнесе. Греки войдут в состав моей китобойной флотилии, плавающей в Охотском море. Дадим и вам, сербам, заработать хорошие деньги, на которые можно не только содержать семьи, но и свою национальную армию! Я призываю вас бойкотировать русскую конференцию!

Спорили вызывающе громко, открыто пренебрегая многочисленными посетителями, пришедшими отдохнуть. Рыжий англичанин вел себя особенно нагло. Попытавшегося

сделать замечание официанта больно ткнул кулаком в грудь. Униженный таким обращением молодой чех стыдливо ретировался. Первым не выдержал Питер Харрис.

– Представляешь, если бы все сидящие в зале заговорили в полный голос? Какой бы стоял гвалт! – демонстративно громко объявил Питер, так, что мужчины замолчали, а отдыхающие повернулись в его сторону. Умышленно затыкая рот гостям за соседним столиком, доктор продолжил: – Кричать напропалую позволено лишь птицам, – с повадками уличного оратора, готового выставить последний убедительный аргумент – крутые волосатые кулаки – предупреждал буйную компанию американец, – птицы не бояться своих собратьев, а человек боится своего ближнего пуще самого себя. Труслив и одновременно агрессивен. Его поведение похоже на волка. Но зверь верен семье. Никогда не бросит ближнего, не изменит самке и не побоится защитить потомство ценою собственной жизни.

Наглая компания, поняв предупреждение о возможном применении силы, притихла. Затем англичанин и грек демонстративно поднялись и направились к выходу. Болгарка и серб остались за столиком. Николай обратил внимание на жилистые кулаки Кингскота и массивный перстень на указательном пальце.

Рассказ Питера о своей жизни в Америке так увлек юношу, что славянское собрание прошло без его участия. Он ничего не потерял. Делегаты не смогли договориться о со-

здании славянского союза. Многие не прибыли на собрание, переметнувшись на сторону англичан, активно противодействующих такому объединению. Собравшихся заботило собственное национальное благополучие. Чтобы понять необходимость жить одной семьей, нужно испытать себя в одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.